

СЕРПУХОВ ПОГЛОТИЛ НАУКОГРАДЫ, НО АКТИВИСТЫ НЕ СДАЮТСЯ

Пушино, 23 января 2023 г. Очередь у здания городского суда

Почти два месяца жители Протвино и Пушкино сопротивлялись слиянию наукоградов с Серпуховом. Писали запросы, стояли в пикетах, выступали в СМИ. Однако закон о преобразовании трех городских округов был оперативно принят Мособлдумой, а затем подписан губернатором. До вступления в силу остались считанные дни. Вскоре наукограды прекратят существование как самостоятельные муниципалитеты. Почему же активисты продолжают борьбу?

Напомним, что процесс поглощения Протвино и Пушкино начался скоропалительно в начале декабря без каких-либо обсуждений и официальных документов. Нависла угроза ликвидации местного самоуправления и статуса наукоградов. На публичных слушаниях жители массово заявили протест, но их голоса не учли. Подробности см. в наших заметках «Наукоградам грозит ликвидация»¹, «Наукограды держат удар»².

Утром 26 января перед Мособлдумой два жителя Пушкино — Ирина Попова и Алексей Соколов — встали в одиночные пикеты с плакатами «Сохраним наукограды». В этот день на повестке стоял вопрос об их слиянии. Накануне фракции КПРФ и СРЗП открыто выступили против. Глава коммунистов Александр Наумов отметил³, что законопроект преждевременно принимать в ускоренном режиме, его нужно проработать и объяснить ученым, как они будут жить в новом наукограде. В итоге закон приняли сразу в трех чтениях 34 голосами «за» против девяти; один депутат воздержался.

30 января закон подписал губернатор Московской области. В тот же день в Сети стала распространяться информация о том, что проектом наукограда «Большой Серпухов» руководит президент Международной ассоциации бокса IBA Умар Кремлев, причем его деятельность одобрена свшше. Телеграм-канал «Медиакиллер» оповестил общественность, что располагает письмом Умара Назаровича к Владимиру Владимировичу, где изложена суть проекта, и глава государства якобы начертал на нем «Дело хорошее. Поддержите» 22 сентября 2022 года. Активисты из наукоградов попросили Администрацию президента РФ подтвердить или опровергнуть подлинность документа, но получили отказ.

В опубликованном на сайте Мособлдумы тексте закона⁴ есть странности. Так, из пункта 1 статьи 1 мы узнаем, что три города объединяются «во вновь образованное муниципальное образование Городской округ Протвино Московской области». А в пункте 1 статьи 7 сказано: «Присвоить вновь образованному городскому округу наименование — Городской округ Серпухов Московской области». Не исключено, что законодатели решили передать статус наукограда по наследству Серпухову. В пункте 4 статьи 1 несколько путанно сформулировано это пожелание.

Кроме того, активисты⁵ обратили внимание на противоречие с действующим федеральным законом № 131-ФЗ⁶, согласно которому площадь городов и поселков городского типа в городских округах должна быть не меньше 1/3 площади всего округа, а в данном случае их площадь в 14 раз меньше общей площади. Получается, что объединенную территорию нужно считать муниципальным округом, а не городским. А на такие образования не распространяется статус наукоградов. Показательно, что пояснительная записка к закону не содержит какой-то значимой информации, а финансово-экономическое обоснование состоит из одной фразы.

Жители намерены опротестовать этот закон и все решения, на основании которых он принят. Подано сразу несколько исков в Серпуховский суд. Вот что рассказывают инициаторы двух из них.

Роман Синюков, депутат Совета депутатов Протвино, научный сотрудник отдела пучков Института физики высоких энергий, аспирант

Роман Синюков

Тема объединения была на слуху последние три года, что-то вроде страшилки, всерьез это не воспринимали. Даже на депутатской комиссии, где обсуждали инициативу серпуховского Совета депутатов об объединении, не было никаких документальных обоснований, говорили только, что «всё схвачено», ссылались на некое совещание с президентом Курчатовского института Михаилом Ковальчуком. Но в дирекции ИФВЭ сообщили, что совещание было рабочим, вопрос об объединении не поднимали. На письма от нашего профсоюза, насколько мне известно, Михаил Валентинович не ответил.

На заседание Совета депутатов, где приняли решение об объединении, я не попал. Изначально я пришел на публичные слушания, перед зданием администрации увидел группу депутатов от ЕР, которые сказали, что их не пускают. Меня тоже не пропускали, я прорывался через охрану. Ближе к семи объявили, что здание закрывают, просят всех его покинуть. Я удивился, потому что у нас назначено заседание. Подошел к залу — закрыт. Мне и в голову не пришло, что заседание перенесли в другую комнату. О том, что оно состоялось и там приняли решение объединяться, я узнал из интернета. Я запросил протокол заседания, но до сих пор мне его не прислали.

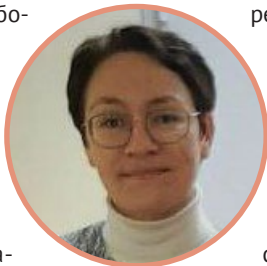
Я не думал, что стану депутатом. Изначально профсоюз организовал в ИФВЭ совет молодых ученых, куда меня пригласили. Потом предло-

жили участвовать в выборах. Я согласился ради опыта, неожиданно прошел. Состав был разнородный, и сначала все шло неплохо, были споры, обсуждения. Потом почти всех нелояльных выдавили, остальные просто руки поднимают.

Мы вместе с моим представителем Дмитрием Леоненко подали иск в суд, чтобы оспорить решение депутатов о назначении публичных слушаний. Мне не понятно, на чем основано желание соседнего муниципалитета присоединить Протвино. Процедура проведена с множеством нарушений. На каком основании мне, как депутату, принимать решение, неясно.

Мне, как человеку, который родился и живет в Протвино, эта затея с объединением крайне неприятна. По моему мнению, будет передел собственности, и преимущества города в лесу, где так приятно жить, исчезнут.

Ирина Попова, научный сотрудник лаборатории роста клеток и тканей Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН в Пушкино

Ирина Попова

Когда мы стояли в одиночных пикетах, мимо проезжала зампред правительства Московской области Мария Нагорная. Она пригласила нас поговорить. Мы выразили свой протест против объединения, рассказали, что жители возмущены тем, что не было предоставлено никаких материалов, аналитики. Никакой новой информации она нам не сообщила, кроме того, что закон будет принят. Мы просили передать губернатору, чтобы он его не подписывал.

Вторая встреча с Марией Нагорной состоялась 30 января расширенным составом. Мы привезли пакет документов, изложили противоречия с федеральным законом, которые могут привести к утрате статуса наукограда. Наукограды — стратегические объекты страны. На них выделяют специальное финансирование. Сейчас в правительстве разрабатывают программу поддержки наукоградов. Сложилось впечатление, что она будет этим вопросом заниматься. В это время закон уже был, видимо, на подписи у губернатора.

Я подала иск против решения Совета депутатов назначить публичные слушания. К нему присоединились порядка 40 жителей. Слушания назначили с нарушением регламента. Начиная с того, что инициатором выступил один председатель Совета, хотя вопрос должны были рассматривать на депутатских комиссиях и выходить с инициативой не менее 7–8 депутатов. Депутаты голосовали, не ознакомившись ни с какими документами.

Татьяна Пирогова

Р.С. На первом заседании суда по иску Ирины Поповой, 2 февраля, к рассмотрению дела не приступили. Иск Романа Синюкова зарегистрирован.

ТрВ-Наука следит за развитием событий. ♦

в номере

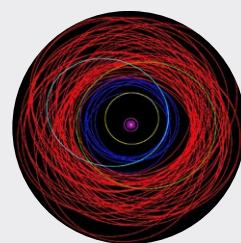

Сахаровский центр еще будет!

Выражаем поддержку коллегам — стр. 2

Gaia, «Хаббл» и «Уэбб» не дремлют

Астрономости отслеживает Алексей Кудря — стр. 3

«Сахаров — ваш сотрудник, вы должны решить, что с ним делать»

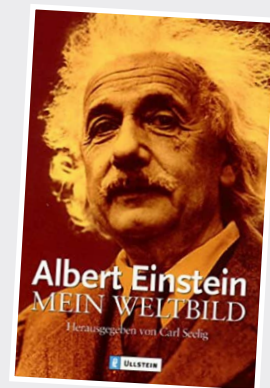
Воспоминания Юрия Захаренкова об отце, замминистра Средмаша, — стр. 4–5

Опаленные атомом

Интервью с главой Дубненского совета вдов ликвидаторов аварии на ЧАЭС — стр. 6–7

Светлое время — темное время

Обзор биографий Эйнштейна от Евгения Берковича — стр. 8–9

«Все говорят о Солженицыне»

Подборка дневниковых записей литераторов о публикации «Одного дня Ивана Денисовича» — стр. 10–11

Гамлет из Арканара

Очерк Владимира Борисова об одном из самых «переломных» романов братьев Стругацких — стр. 12–13

Наплевал на Олимпиаду и улетел в Анапу

Трагикомические воспоминания Александра Мещерякова о лете 1980-го — стр. 14

Всё, что вы хотели узнать о Вселенной, но боялись спросить

Борис Штерн удовлетворяет любопытство читателей — стр. 16

Подписывайтесь на наши аккаунты:

t.me/trvscience, vk.com/trvscience, twitter.com/trvscience

¹ trv-science.ru/2022/12/naukogradam-protvino-i-pushchino-grozit-likvidatsiya/

² trv-science.ru/2023/01/naukogrady-derzhat-udar

³ См. 36:50 на видеозаписи: mosoblduma.ru/Dejatelnost/Zasedaniya/44-zasedanie-Dumy/Video-zasedaniya/item/397185

⁴ mosoblduma.ru/Zakoni/Zakoni_Moskovskoj_oblasti/item/397622

⁵ pushchino-naukograd.ru

⁶ pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574

Сахаровский центр еще будет!

24 января 2023 года Сахаровский центр (внесенный Министерством юстиции РФ в мартиролог «иностранных агентов») выселен в никуда. Данное решение нам представляется абсурдным. Долгое время Сахаровский центр был одним из пунктов распространения нашей газеты; много лет мы отмечали дни рождения «Троицкого варианта — Наука» в здании Сахаровского центра, приглашая и читателей, и авторов газеты. Публикуем подборку фотографий с этих встреч и благодарим коллег за их работу и гостеприимство. Мы уверены, что Сахаровский центр еще будет.

panoramio.com/user/55593

Заявление в связи с изъятием помещений Сахаровского центра

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ САХАРОВСКИЙ ЦЕНТР ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА САХАРОВСКИЙ ЦЕНТР

24 января 2023 года Сахаровский центр получил письмо московского Департамента городского имущества, которое извещает нас о прекращении договоров аренды на все наши помещения: здание Центра, Выставочный зал и квартиру в доме по улице Земляной вал.

Решение Москомимущества — лишь акт исполнителя. Причиной выселения являются поправки к закону об «иностранных агентах», вступившие в силу первого декабря прошлого года. Согласно этим новациям «иностранные агенты» не должны получать никакой государственной поддержки. Все помещения Центра находились у нас в безвозмездной аренде от города.

Данная правовая коллизия лишней раз доказывает, что смысл государственной политики — уничтожение независимых организаций, отстаивающих общественные интересы.

Помещения были переданы Центру в 1993 и 1996 годах. Это было время, когда государство понимало, что сохранение наследия Сахарова — долг общества перед одним из величайших гуманистов XX века.

Все эти годы мы бережно использовали пространство, которое было в нашем распоряжении. В квартире, расположенной в доме 486 по улице Земляной вал, в котором жил А.Д. Сахаров, хранится его архив. В нем не только документы Андрея Дмитриевича, но и, например, тысячи писем со всего Советского Союза с просьбами о помощи, словами поддержки и благодарности. В этом помещении была создана уникальная музейная экспозиция, посвященная жизненному пути Сахарова. Виртуозно встроенная в пространство квартиры, эта экспозиция создает уникальную атмосферу, погружая посетителя в историю жизни великого соотечественника.

Архитектурное решение музейного зала в большом здании Центра получило премию «За лучший интерьер» на Московском конкурсе архитектуры в 1997 году. Центр создал единственную в стране историческую экспозицию, рассказывающую об истории СССР как тоталитарного режима. Мы стремились помочь обществу переосмыслить трагические страницы своей истории, осознать, что повторение политических репрессий, депортаций, агрессивной внешней политики губительно для страны и не должно повториться, что путь к достойному будущему не может лежать через произвол, насилие и кровь.

Четверть века Центр был местом, которое объединяло тысячи граждан России, неравнодушных к судьбе страны, ценностям свободы и прав человека. Центр проводил выставки, памятные вечера, конференции и публичные дискуссии. Он был местом встреч и местом памяти. В нем выступали Вацлав Гавел, Адам Михник, Владимир Букровский, Анатолий Щаранский, Томас Венцлова, Том Стоппард.

В нем прощались с Сергеем Ковалёвым, Борисом Немцовым, Юрием Рыжовым, Валерией Новодворской, Юрием Афанасьевым и другими из числа тех, без кого невозможно представить историю отстаивания свободы в нашей стране.

На протяжении долгих лет Сахаровский центр был уникальной общественной площадкой, которая давала возможность высказываться и развивать свои проекты самым разным гражданским инициативам, сторонникам различных взглядов и направлений мысли: от классических либералов до прогрессивных левых, представителям сообществ правозащитников, экологов, феминисток и других движений.

Мы работали все эти годы, несмотря на сгущавшуюся атмосферу несвободы, мракобесия и страха, провокации, погромы и репрессивные законы.

Сегодня история Центра в том виде, каким он был четверть века, подходит к концу. Остров свободы невозможен в современной России, которая отвернулась не только от наследия Сахарова, но и от всей отечественной традиции гуманизма, стремления к правде и справедливости.

Можно быть свободным человеком в несвободной стране. Свободным музеем и общественным центром, увы, нет.

Бесконтрольная власть, которая развращает общество мифами, основанными на страхе, ненависти и ложном чувстве превосходства, власть, манипулирующая подлинными и мнимыми национальными травмами, цинично эксплуатирующая даже самые возвышенные народные чувства, неизбежно идет по пути репрессий, произвола, разрушения и кровопролития. Об этом предупреждал Сахаров, это мы видим сегодня воочию.

Но еще рано прощаться. Нам предстоит отметить 100-летие Елены Георгиевны Боннэр. И мы успеем сделать это в том пространстве, которое она создавала. Кончается эпоха, но не кончается история. Вслед за Сахаровым мы верим в торжество лучшего в человеке, торжество мира, гуманизма и прогресса.

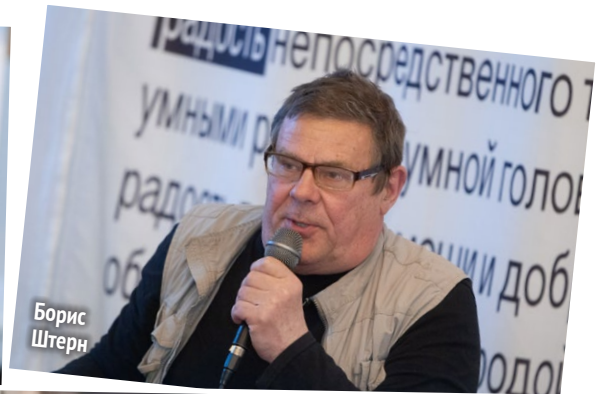
В ближайшее время нам предстоит огромный труд по сохранению всего, связанного с работой Центра, что может быть спасено. Мы постараемся сохранить память о Центре и его деятельности. И в этом нам потребуется помощь всех неравнодушных людей.

*Общественная комиссия по сохранению наследия академика Сахарова
(Сахаровский центр)*

sakharov-center.ru/article/zayavlenie-v-svyazi-s-izyatiem-pomescheniy-sakharovskogo-centra

Дмитрий
Зимин

Борис
Штерн

Валерий
Рубаков

Борис
Жуков
и Татьяна
Васильева

Михаил Гельфанд

Илья Мирнов

Александр
Мещеряков

Андрей Ростовцев
и Ольга Орлова

Александр Марков

Фото И. Соловья

Обзор астрономических новостей

Алексей Кудря

Алексей Кудря

LEDA 2046648

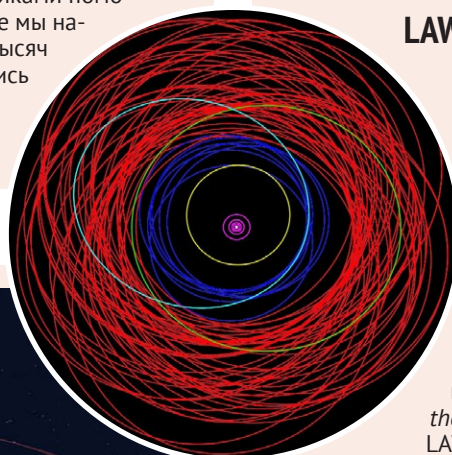
На снимке, полученном космическим телескопом «Джеймс Уэбб» (JWST), запечатлено скопление галактик, а также яркие звезды, увенчанные «фирменными» шестиконечными дифракционными шипами «Уэбба».

Большая спиральная галактика LEDA 2046648 — самая яркая деталь этого изображения — сопровождается множеством мелких (более удаленных) галактик, которые варьируют от полноценных спиралей до просто ярких пятен. Галактика LEDA 2046648 расположена в миллиарде с небольшим световых лет от Земли, в созвездии Геркулеса.

Одна из научных целей «Уэбба» — наблюдение за далекими (следовательно, древними) галактиками для того, чтобы выяснить детали их формирования, эволюции и состава. Острое инфракрасное зрение «Уэбба» дает ему возможность видеть первые сотни миллионов лет жизни Вселенной — т. е. позволяет наблюдать объекты с красным смещением выше 10.

Сравнение этих галактических «ископаемых» с современными галактиками поможет астрономам понять, как галактики росли, образуя структуры, которые мы находим во Вселенной сегодня. «Уэбб» также изучит химический состав тысяч галактик, чтобы пролить свет на то, как тяжелые элементы формировались и накапливались по мере эволюции галактик.

esa.int/ESA_Multimedia/Images

LAWD37

А пока «Уэбб» делает групповые фото галактик, телескопы «Хаббл» и Gaia «напрямую» измерили массу одинокого белого карлика. Это удалось проделать с помощью эффекта гравитационного микролинзирования (предсказанного Альбертом Эйнштейном с помощью общей теории относительности и впервые зафиксированного двумя кембриджскими астрономами столетие назад). Международная группа, возглавляемая Кембриджским университетом, использовала данные двух телескопов, чтобы оценить, как свет от далекой звезды отклоняется тяготением белого карлика, обозначаемого как LAWD37, — в результате этого «фоновая» звезда временно меняет свое видимое положение на небе.

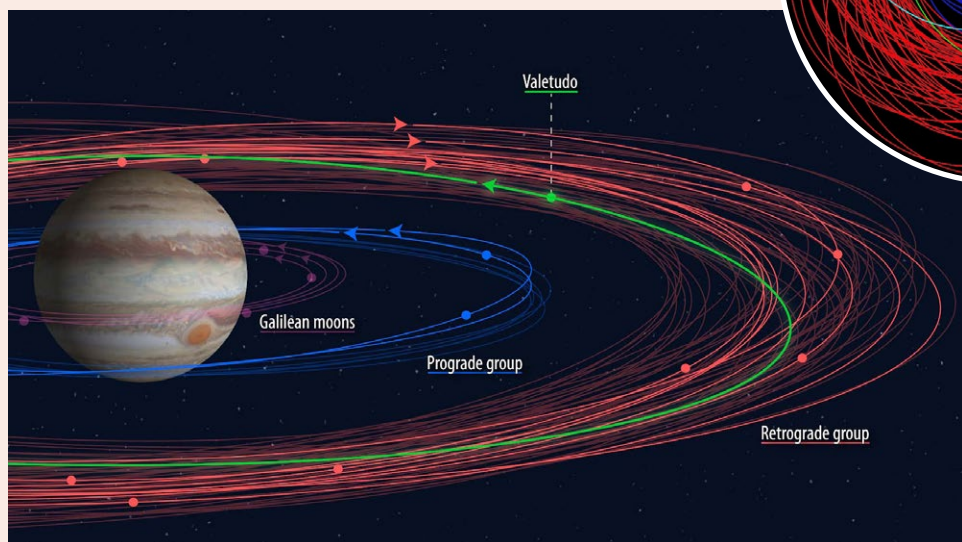
Эффект впервые зарегистрирован для изолированной звезды, отличной от нашего Солнца, и впервые масса такой звезды была измерена «непосредственным образом». Результаты представлены в *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*.

LAWD37 — белый карлик, финальная стадия эволюции звезды, подобной нашей. Этот звездный остаток подвергается частому и тщательному изучению, поскольку находится относительно близко к нам — на расстоянии 15 световых лет от Земли в созвездии Мухи. Звезда, положившая начало его существованию, погибла около 1,15 млрд лет назад.

Используя спутник Gaia Европейского космического агентства, который строит самую точную многомерную карту Млечного Пути, астрономы смогли предсказать движение LAWD37 и определить точку, в которой белый карлик подходит достаточно близко к фоновой звезде, чтобы обнаружить сигнал линзирования. Благодаря этому удалось очень точно направить инструменты космического телескопа «Хаббл» в нужное время и пронаблюдать это явление, произошедшее в ноябре 2019 года, спустя 100 лет после знаменитого эксперимента Артура Эддингтона и Фрэнка Дэйсона.

Как только исследователи изучили данные линзирования, они смогли оценить степень астрометрического отклонения фонового источника, коррелирующего с массой белого карлика, и получили гравитационную массу для LAWD37, составившую 56% от массы нашего Солнца. Это согласуется с более ранними теоретическими предсказаниями массы LAWD37 и подтверждает современные теории развития белых карликов. Полученные результаты обещают в дальнейшем улучшить прогнозы событий посредством данных Gaia, а они в свою очередь послужат основой для наблюдений преемника «Хаббла» — «Джеймса Уэбба».

academic.oup.com/mnras/article/520/1/259/6880174

Спутники Юпитера

Пока космические телескопы изучали дальний космос, Юпитер вернул себе звание чемпиона Солнечной системы по количеству лун.

Астрономы обнаружили множество новых спутников у газового гиганта, и теперь общее их количество достигло рекордных 92 (список пополнился на 12 новых объектов). Это больше, чем у любой другой планеты в Солнечной системе. Сатурн, прежний лидер, занимает теперь второе место с 83 подтвержденными лунами.

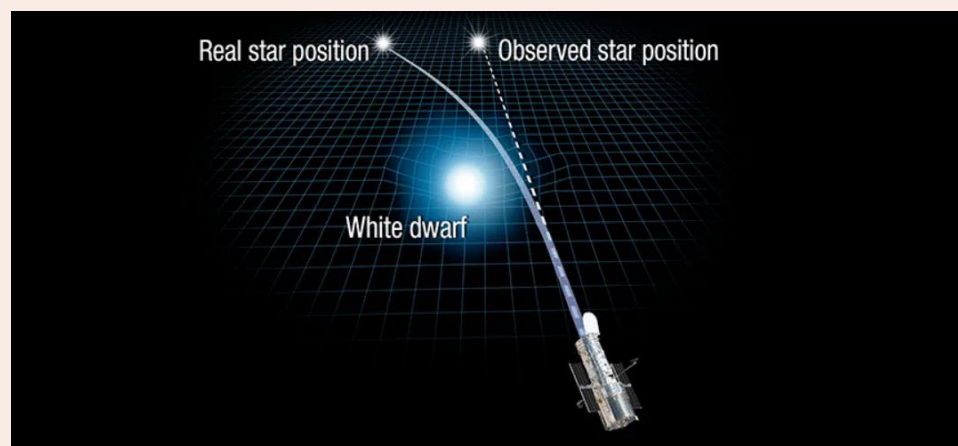
Как пояснил Скотт Шеппард из Института Карнеги (США), работавший со своей группой на этом проекте, спутники Юпитера были официально добавлены в список, который ведет Центр малых планет Международного астрономического союза.

Обнаружение новых спутников Юпитера состоялось благодаря гавайским и чилийским телескопам в 2021 и 2022 годах, а их орбиты были подтверждены последующими наблюдениями. По словам Скотта Шеппарда, размеры этих новейших спутников варьируют от 1 до 3 км. Свежеоткрытые спутники Юпитера пока еще не имеют собственных названий.

В апреле Европейское космическое агентство отправляет космический корабль на Юпитер для изучения планеты и некоторых из ее крупнейших ледяных лун. А в следующем году NASA запустит Europa Clipper для исследований одноименной луны Юпитера, которая может скрывать океан под своей замерзшей корой.

Для справки: у Урана 27 подтвержденных спутников, у Нептуна — 14, у Марса — два (Фобос и Деймос), у Земли — одна Луна. Венера и Меркурий лишены таких «украшений».

minorplanetcenter.net/mpc/K22/K22TD1.html

«Недостойное советского академика... поведение Сахарова А.Д.»

Геннадий Горелик

Геннадий Горелик, Юрий Захаренков

Недавно, беседуя с моим однокурсником Юрием Захаренковым (через полвека после окончания физфака МГУ), я узнал, что архив, оставшийся ему от отца, содержит объяснительную записку академика А.Д. Сахарова от 29 июля 1968 года (см. врезку слева внизу). Это, вероятно, последний официальный документ Сахарова, написанный в качестве заместителя академика Ю.Б. Харитона — научного руководителя первого советского центра по разработке ядерного оружия (ныне РФЯЦ-ВНИИЭФ в Сарове). Предмет записки — статья Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», опубликованная за рубежом. Статья эта стала поворотным событием в жизни Андрея Сахарова и, думаю, в мировой истории¹. Я попросил Юрия рассказать об отце — Александре Дмитриевиче Захаренкове, видном участнике Советского Атомного проекта, сохранившем ценный исторический документ, и об обстоятельствах его появления.

Юрий Захаренков: Чернобыль — последняя командировка отца

Отца я очень любил и всегда считал, что мне повезло родиться в такой счастливой семье. В детстве я гордился его спортивными успехами — в Сарове он был капитаном хоккейной и футбольной команд. Еще подростком он играл в молодежной сборной Москвы, а в зимний сезон 1945–1946 годов — в хоккейной команде «Крылья Советов» с самыми известными игроками. Жизнь отца круто перевернулась в 1946 году, когда в числе первых участников разработки ядерного оружия он прибыл в засекреченный город Саров, удаленный со всех карт страны, и там был создан первый оружейно-ядерный центр, названный КБ-11 (он же Арзамас-16, а ныне ВНИИЭФ). Сорок лет спустя, 5 мая 1986 года, через девять дней после Чернобыльской катастрофы, на место страшных событий — в город-призрак Припять в 25 км от атомной электростанции — прибыла правительственная комиссия. В комиссию входил и мой отец, 65-летний заместитель министра среднего машиностроения. Все вещи прибывших забрали на военном аэродроме и выдали спецодежду в целлофановом пакете. Эта процедура повторялась каждый вечер. Тридцать дней комиссия занималась разработкой и осуществлением плана по ликвидации последствий страшного бедствия. Тридцать дней срочной спасательной работы, кошмарных новостей о результатах действия радиации,

Юрий Захаренков

изливающейся из руин четвертого реактора станции. Ад на земле. Радиация Чернобыля не пощадила и отца. Год спустя он потерял сознание и был доставлен в реанимационное отделение спецбольницы Кремля в минуте езды от Красной площади. Главный хирург сообщил, что у отца рак, собираются начать химиотерапию, но надежды нет, ему осталось жить две или три недели.

Спортивная подготовка, вероятно, помогла отцу нарушить этот прогноз, и почти два года он жил по четырехнедельному циклу: одну неделю в больнице, чтобы получить химиотерапию, три недели дома. Лишь за три месяца до смерти ему разрешили уйти в отставку. В конце марта 1989 года он позвал нас — маму и меня с женой — в больницу. Очевидно, хотел попрощаться. Мы видели это в его глазах, понимали его без слов. Расспрашивал о внуках, о наших планах и достижениях. Он умер на следующий день...

Какие мысли владели отцом в его последней командировке и в последующие месяцы, как оглядывал он свой жизненный путь, он мне не говорил. Постараюсь суммировать характер и жизненную позицию отца, исходя из многолетнего общения с ним и наблюдением за его поступками. При этом, разумеется, секретность его работы накладывала большие ограничения, но с ними я знаком с самого рождения — родился в Сарове в 1948 году, в бывшей конюшне еще не до конца разрушенного монастыря (хотя

Андрей Сахаров в 1970 году

Глубокоуважаемый Ефим Павлович!

Передаю Вам последний вариант моей статьи, очень близкий к переданному в ЦК 15 июля.

Вариант «Нью-Йорк Таймс», если судить по передаче Г.А. [Голоса Америки], практически соответствует более раннему варианту статьи, законченному мною к середине июня. Этот же вариант был, по-видимому, использован в сокращенной голландской «бульварной» публикации.

Первый вариант статьи был написан мною без обсуждений с кем-либо в апреле, а в мае-июне в результате личного и заочного (т.е. «по цепочке») обсуждения с рядом заслуживающих доверия и квалифицированных товарищей в текст был внесен ряд фактических и, главным образом, редакционных исправлений и уточнений. Направление этих уточнений Вы можете видеть из сравнения вариантов от середины июня и 15 июля.

29/VII-68 С уважением А. Сахаров

в свидетельстве о рождении написано, что родился в Москве), за год до испытания первой советской атомной бомбы.

Есть такая тройная формула счастья: не за что каяться о содеянном в прошлом, благополучие в настоящем и уверенность в будущем. Вплоть до Чернобыльской катастрофы жизнь отца отвечала всем трем условиям. Во время войны он работал, изобретая и испытывая новые конструкции особо мощных зарядов и составы взрывчатки в Особом конструкторском бюро НИИ-6, откуда его отправили в секретный Саров.

Настоящее вполне благополучно: хорошая квартира в Москве, персональная министерская машина с шофером круглосуточно, другие удобства (включая любые билеты в театры и на спортивные мероприятия). Дети уже взрослые со своими семьями. Любимая жена, поддерживающая его во всем в течение уже 45 лет. Работа тоже приносила удовлетворение, хотя это уже было не азартное увлечение изобретателя и конструктора его молодых лет. Теперь он руководил созданием мощного оружия, помогая стране сдерживать враждебный капиталистический Запад. Хочешь мира — будь сильным.

А вот будущее виделось уже иным.

В Чернобыле страшная правда предстала перед ним. После многих лет напряженной работы на благо своей стране он осознал, что страна предала его, как и многих других людей, принеся своим гражданам огромные страдания. Все эти годы он верил, что советское правительство не допустит, чтобы ядерная энергия причинила вред людям. И уж тем более не внутри своей страны...

Невыполненное поручение

В чернобыльской командировке проявились чувство личной ответственности отца за порученное ему дело, работоспособность и чувство долга. Вероятно, именно эти качества поспособствовали тому, что в конце 1967 года отец неожиданно для себя получил назначение на должность заместителя министра среднего машиностроения. Основным кандидатом на эту должность тогда считался генерал Е.А. Негин — главный конструктор из Арзамаса-16.

Министр Е.П. Славский, однако, предпочел отца. Возможно, он его отметил еще в 1961 году, когда отец в составе министерской команды делал 15-минутный доклад для Хрущёва перед испытанием Царь-бомбы. По рассказу отца, руководителя страны особенно заинтересовала необычность фамилии «Захаренков»: ведь если русский, то Захаров, если украинец, то Захаренко? Отец объяснил, что прадед из Смоленской деревни пошел навстречу капризу невесты, не желавшей носить ту же фамилию «Захарова», что и половина деревни. Хрущёву этот рассказ очень понравился (уж не знаю, сыграло ли это роль в награждении отца геройской звездой после испытания Царь-бомбы).

К 1967 году для отца уже не оставалось настоящего интереса к задачам в ядерно-оружейном деле, а переключение с инженерно-конструкторской работы на высокоадминистративную открывало новые возможности применения своих способностей. Сразу после переезда в Москву, в ноябре 1967 года, ему поручили посетить все объекты и «вручать красные знамена», чтобы он познакомился со своим новым хозяйством. На это ушло около месяца. Рассказывая мне о своих впечатлениях, он испытывал воз-

Юрий Захаренков с отцом, 1963 год

буждение от масштаба задач, — под его началом оказалось около миллиона сотрудников.

В первый год работы на новой должности отец получил, однако, поручение, которое не выполнил и о котором рассказал мне в последние месяцы жизни, уже в отставке. И показал два документа, которые держал в ящике своего стола.

Первый документ — рукописный лист, подписанный академиком А.Д. Сахаровым 29 июля 1968 года (рис. 1): по сути, «объяснительная записка», в которой Сахаров подтвердил, что действительно написал статью, опубликованную незадолго до того на Западе, и берет на себя ответственность за все содержащиеся в статье выводы.

Записку эту отцу передал министр Славский, сказав: «Сахаров — ваш сотрудник, поэтому вы должны решить, что с ним делать». И передал также «докладную записку» от замминистра по кадрам (рис. 2) с предложением «обсудить недостойное советского академика, трижды Героя Социалистического труда, Лауреата Ленинской премии поведение Сахарова А.Д. на Коллегии Министерства, потребовать от него объяснения, и если он не осудит свои действия и публично в печати не откажется от «трактата», уволить из нашей системы и войти в инстанции с предложением о лишении его высоких наград Родины».

Отец с большим уважением относился к заслугам Сахарова и хорошо его знал. Что же касается «трактата», то вряд ли отец читывался в него, считая, думаю, что физик вышел далеко за пределы своей компетенции. Однако отец решил ничего не делать и положил полученные два документа «под сукно». Об этом поручении он больше не говорил со Славским, и тот тоже не спрашивал.

Два упомянутых документа впервые публикуются здесь.

Юрий Захаренков, пенсионер, ранее работал в отделе квантовой радиофизики ФИАН, Ливерморской национальной лаборатории, Raytheon Company

¹ Горелик Г. Сахаров, «таинственный и загадочный» // ТрВ-Наука от 18.05.2021. trv-science.ru/2021/05/sakharov-tainstvennyj-i-zagadochnyj/

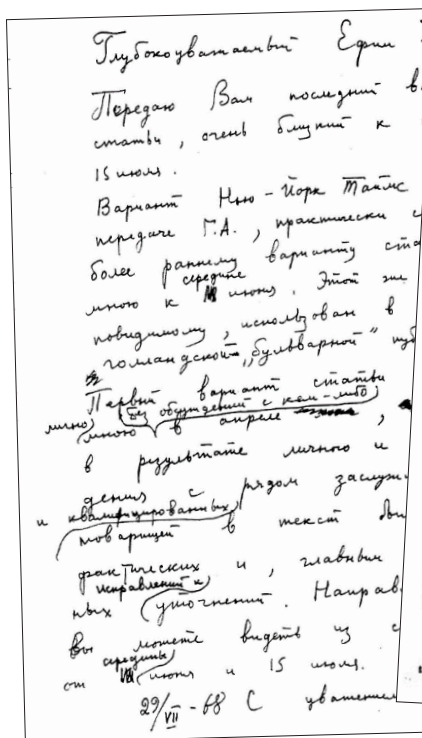

Рис. 1. «Объяснительная записка» А.Д.Сахарова (29.07.1968)

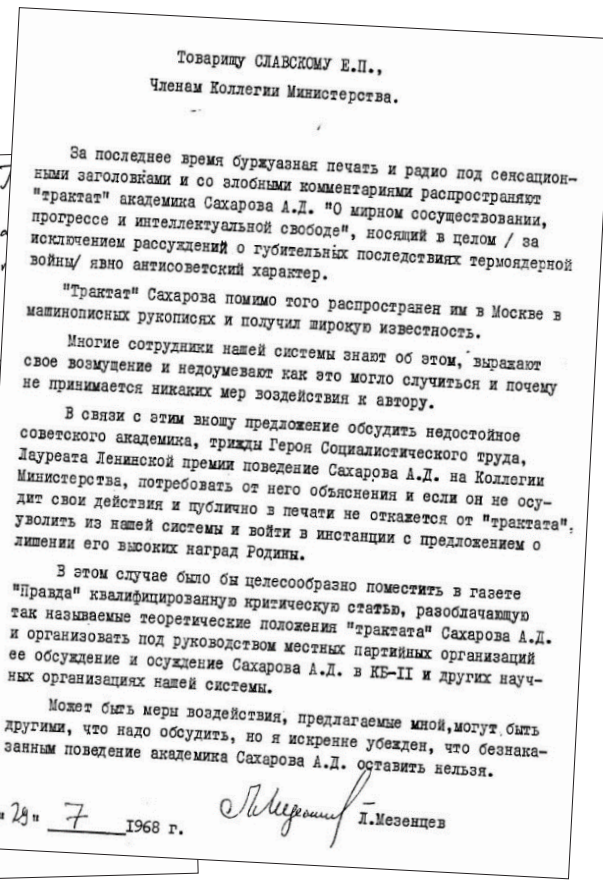

Рис. 2. Докладная записка Л.Г.Мезенцева, замминистра среднего машиностроения по кадрам (29.07.1968)

Из «Воспоминаний» А.Д. Сахарова

В последней декаде июля (точной даты я не помню) меня вызвал к себе Славский. На столе перед ним лежал перевод моей статьи из голландской газеты.

— Ваша статья?
Я просмотрел, сказал:
— Да.
— Это то же самое, что вы послали в ЦК?
— Не совсем, я несколько переработал.
— Дайте мне новый текст. Может, вы сделаете протест, заявите, что за рубежом опубликовали предварительный вариант без вашего разрешения?
— Нет, я этого делать не буду. Я полностью признаю свое авторство опубликованной статьи, она отражает мои убеждения.

Несомненно, Славский очень хотел, чтобы я выступил с хотя бы частичным протестом по поводу опубликования моей статьи за рубежом, пусть даже по поводу второстепенных редакционных неточностей. К счастью, я не попал в эту ловушку. С явным неудовольствием Славский продолжал:

— Сегодня мы не будем обсуждать ваши убеждения. Секретари обкомов звонят мне, оборвали ВЧ, они требуют, чтобы я не допускал контрреволюционной пропаганды в своем ведомстве, принял жесткие меры. Я хочу, чтобы вы подумали об этом, о том положении, в которое вы ставите всех нас и себя в первую очередь. Вы должны дезавуировать антисоветскую пропаганду. Я прочитаю ваш исправленный вариант. Я жду вас у себя через три дня в это же время.

Через три дня он сказал:

— Я прочитал, это практически то же самое. В вашей статье очень много вредной путаницы. Вы пишете об ошибках культа личности так, как будто партия не осудила их. Вы пишете о привилегиях начальства, но ведь и вы сами пользовались этими привилегиями. Люди, несущие на себе такую колоссальную ответственность, такую непомерную нагрузку, должны иметь какие-то преимущества. Это всё для пользы дела. Вы противопоставляете начальству интеллигенцию. Но разве мы, руководители, не есть истинная народная интеллигенция? Ваши рассуждения о конвергенции — абсолютная утопия, глупость. Нет никакой гуманизации капитализма, нет никаких социалистических черт в их социальных программах, в акционерном соучастии — и нет никакого госкапитализма в СССР. От преимуществ нашего строя мы никогда не откажемся. А капиталистам конвергенция ваша тоже ни к чему. Партия осудила ошибки культа личности, но без жесткой руки нельзя было сделать огромное дело — восстановить разрушенное войной хозяйство, ликвидировать американскую атомную монополию — вы тоже приняли в этом участие. Вы не имеете морального права осуждать наше — сталинское — поколение за его ошибки, за допущенную жестокость. Вы пользуетесь плодами нашего труда, наших жертв! Конвергенция — утопия. Мы обязаны быть сильными, сильнее, чем капиталисты — тогда будет мир. В случае войны, в случае применения капиталистами ядерного оружия против нас мы обязаны немедленно и без колебаний применить всю нашу силу — и не только против стартовых позиций, а против всех объектов, которые нужно уничтожить для победы.

Насколько я понял и помню, речь шла только об ответном ядерном ударе, но сразу — максимально сильно, включая города и промышленные центры противника; и самое главное — Славский совершенно обошел вопрос о том, что, кроме нашей силы, может способствовать предотвращению войны. Ясно, что в мире, полном противоречий, конфликтов и недоверия, в мире, где силой располагают обе стороны, голая сила — слишком ненадежная гарантия мира и разумности политики. Славский игнорировал как глупость мои рассуждения об открытом обществе, отказе от противостояния, сближении. Я сказал, что в своей статье я писал об опасности для человечества подобного подхода — без свободы мнений, без открытого обсуждения вопросов, от которых зависит судьба человечества, решаемых в тиши кабинетов принявшими на себя бремя ответственности (и привилегий) людьми. В конце разговора я поднял вопрос о Чехословакии. Есть ли гарантия против интервенции в эту страну? — это было бы трагедией. Славский сказал, что вопрос о Чехословакии обсуждался в ЦК, вооруженное вмешательство исключено, если в Чехословакии не произойдут открытые контрреволюционные акты насилия, подобные тем, которые имели место в Венгрии. Никакие разговоры, собрания, заявления нас не волнуют. (21 августа всё это оказалось ложью, но, быть может, решения были приняты уже после нашего разговора; кроме того, Славского, вероятно, не допускали до обсуждения на самом высшем уровне.)

Я столь подробно пересказал свой разговор со Славским, так как это было почти единственным относительно серьезное обсуждение «Размышлений» (и вообще моих выступлений на общественные темы) с представителем власти.

Через пару недель Ю. Б. [Харитон] вызвал меня к себе домой и сказал, что Ефим Павлович (Славский) просил меня не ездить на объект.

Андрей Сахаров. Воспоминания. Т. 1. — М.: Время, 2006. — С. 623–627

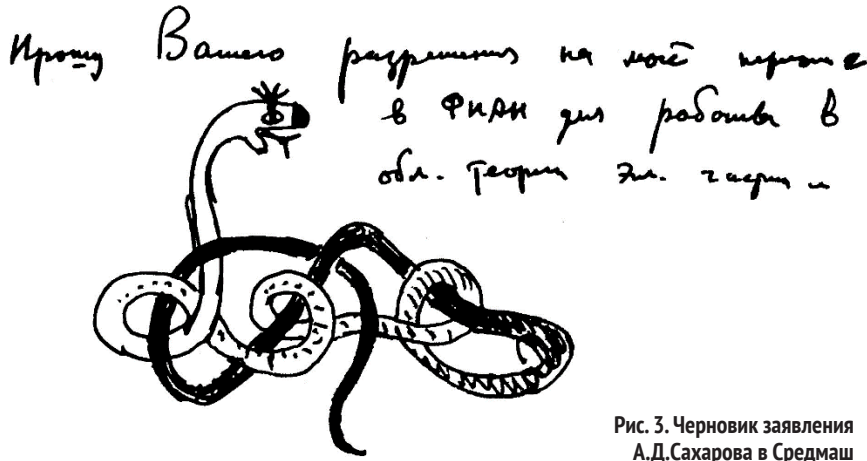

Рис. 3. Черновик заявления А.Д.Сахарова в Средмаш о переводе в ФИАН

Комментарий историка

Из содержания записки Сахарова ясно, что к работе над статьей он относился очень серьезно, стремясь точно изложить свое понимание проблемы войны и мира. И при этом не стараясь соответствовать «генеральной линии партии», генеральским привычкам правительства и прочим неписанным советским приличиям.

Проблема войны и мира, а точнее, угроза мировой ядерной войны, резко обострилась к 1967 году в связи с перспективой развертывания нового — противоракетного — вида оружия и неизбежной гонки вооружений в новой области. Оборонительное вроде бы по своему назначению оружие значительно увеличивало вероятность мировой ядерной войны. Таково было мнение не только Сахарова, но и его коллег-физиков среди экспертов по стратегическому равновесию, включая научных руководителей обоих военно-ядерных центров СССР — академиков Ю.Б. Харитона и Е.И. Забабахина. Советские руководители не прислушались к этому мнению, а поверили на слово инженерам-разработчикам ПРО, которые обещали создать прочный противоракетный зонтик. Этот «экспериментальный факт» и побудил Сахарова внимательно проанализировать внешние и внутреннеполитические причины возникшей грозной ситуации. Его статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» стала итогом этого анализа².

В историческом анализе, однако, нуждается тот факт, что, несмотря на «недостойное поведение» советского академика, публичные оргмеры, предложенные компетентным товарищем Л. Мезенцевым, не были приняты, и министр Средмаша не потребовал от своего нового заместителя выполнить данное ему поручение. Сам же министр не публично — и не лично, а через Харитона — попросил лишь Сахарова оставаться в Москве.

Почти год 47-летний академик пребывал в московской «ссылке» безработным, хоть и при своей средмашевской зарплате. Он входил в высшую номенклатуру, и решение относительно него принималось на высшем уровне. Особых оснований для недовольства у Сахарова не было. Свой морально-профессиональный долг он выполнил и мог заняться чистой наукой. И занялся. В сентябре впервые участвовал в международной научной конференции (в Тбилиси), где сделал доклад о гравитации как упругости вакуума. Эта идея Сахарова произвела столь сильное впечатление на Джона Уилера, что он пять лет спустя включил ее в знаменитый учебник «Gravitation» (1973, совм. с Ч. Мизнером и К. Торном).

Но в конце 1968 года Сахарову стало не до науки — тяжело заболела его жена и спустя несколько месяцев умерла. Младшему из их троих детей было одиннадцать лет. Несколько месяцев Сахаров «жил как во сне, ничего не делая ни в на-

уке, ни в общественных делах». Жене он посвятил статью 1969 года «Антикварки во Вселенной».

Тогдашнее душевное состояние Сахарова помешало ему заметить (или запомнить), что у него обнаружился именитый союзник в Академии наук. 7 мая 1969 года П.Л. Капица послал Сахарову текст своего выступления, в котором предложил обсудить на заседании Президиума ту самую статью, объяснив свое предложение: «Как хорошо известно, борьба взглядов является основой развития любого творчества, и как пример ее боязни, которая сейчас развилась у наших работников общественных наук, является их отношение к хорошо известной статье академика А.Д. Сахарова. Один из вопросов, поднятых в этой статье, касается тех принципов, на которых должны основываться взаимоотношения капитализма и социализма, чтобы не возникла ядерная война, которая, несомненно, кончится мировой катастрофой. В современных условиях этот вопрос является исключительно важным, так как его правильное решение определяет возможность существования всего человечества. Известно, что за рубежом эта статья в самых разнообразных слоях общества тщательно анализировалась и выявились сторонники и противники выдвинутых Сахаровым предложений по вопросу взаимоотношений двух систем. Очевидно, что только в процессе обсуждения этих вопросов можно найти жизненное решение поставленных вопросов. Поэтому совсем непонятно, почему наши идеологи до сих пор игнорируют рассмотрение поднятых Сахаровым вопросов».

Плохо Сахаров запомнил и обстоятельства своего возвращения в ФИАН — той же тяжелой для него весной 1969 года. 15 апреля он написал заявление директору ФИАНа: «В настоящее время я фактически не работаю по линии Министерства Среднего Машиностроения на работе, бывшей моим главным делом в 1948–68 гг. В ФИАНе предполагаю работать в области теории элементарных частиц. Мне потребуется некоторый срок для ликвидации пробелов в моих знаниях в этой области. Прошу официально запросить Министерство Среднего Машиностроения о моем переводе в ФИАН».

Понадобилось и заявление в Средмаш, на черновике которого изображено нечто змееподобное и слегка напоминающее ВПК (рис. 3).

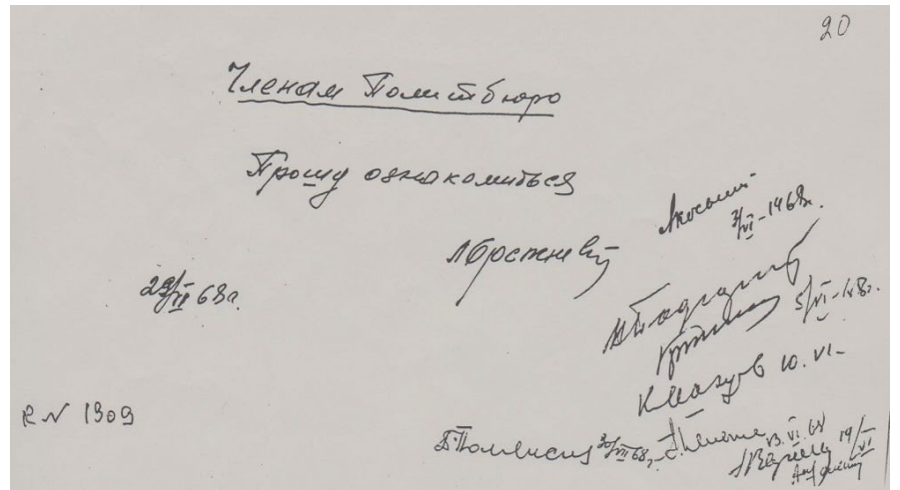

Рис. 4. Резолюция Л.И.Брежнева на экземпляре «Размышлений...», добытом КГБ

Этот подвиг остаётся в тени

Техногенные катастрофы советского времени — будь то авария на Чернобыльской АЭС в 1986 году или взрыв резервуара с ядерными отходами на производственном объединении «Маяк» в 1957-м — не перестают будоражить умы широкой общественности. И в особой степени эта тема коснулась Дубны — наукограда, который долгие десятилетия являлся частью структуры Средмаша. Из этого города на ликвидацию Чернобыльской катастрофы отправились как минимум 350 человек, к тому же там обосновались несколько десятков бывших «маяковцев». ТрВ-Наука публикует интервью с председателем Дубненского Совета вдов ликвидаторов чернобыльской аварии **Любовью Сергеевной Никулиной**, а в последующих номерах — с К.А. Вишняковой и М.М. Беленьковой — женщинами, судьбы которых непосредственно связаны с ликвидацией страшнейших ядерных катастроф XX века. Беседовал **Ян Махонин**.

— Сколько дубненцев участвовало в ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС?

— Это очень сложно определить, но мы считаем, что на ликвидацию было направлено около 350 человек.

— По сравнению с другими городами тогдашнего СССР это много?

— Это приличная цифра. В тот период здесь было 58 тыс. населения. Из наукоградов и тем более из ядерных центров — Дубны, Новосибирска, Омска — шло относительно больше народу. Там же были специалисты, дозиметристы — у них был опыт с радиацией.

— Вы знали, что это не первая катастрофа такого рода? Что была, например, авария на Производственном объединении «Маяк» в 1957 году?

— Конечно. И также про катастрофу в Семипалатинске. Мой муж родом из деревни Глуховка около Семипалатинска. Вблизи от деревни был полигон, где проводились ядерные испытания, помимо прочего, первой водородной бомбы. Так, в их деревне от этих взрывов сносило крыши домов. В сборнике памяти дубненских «чернобыльцев», который мы издали, есть статьи и про катастрофы на «Маяке», и в Семипалатинске.

— А тогда, в 1986 году, вы знали?

— Я вышла замуж в 1960 году, и почти каждый год мы с мужем ездили в ту деревню, где он родился. И там всё было на виду: взрывом снес-

они родились, входила в состав за- грязненной территории.

— Вернемся к дубненским ликвидаторам катастрофы в Чернобыле. Сколько из них были сотрудники ОИЯИ?

— Из ОИЯИ было направлено 32 человека.

— А остальные?

— Из всяких разных дубненских организаций и заводов — строители, механизаторы, медики, профессора, инженеры и люди других специальностей.

— Это организовалось централизованно или каждое предприятие само по себе подбирало людей?

— Каждая организация должна была от себя отправить определенное количество людей. Координировал это горисполком. Если нужны были строительная техника или автотранспорт, обращались в организации, на балансе которых находились эти типы механизации, и согласно разнарядке отправляли в район Чернобыля. Строительные предприятия направляли каменщиков, штукатуров, маляров. То есть каждая организация подбирала людей по отдельности. Из горисполкома назначивали, куда нужно. Помню, моему мужу позвонили среди ночи с тем, что в Чернобыль надо срочно направить бензовозы с полными баками. Позже пошли краны, машины, автобусы. Организации, связанные с техникой, выделяли всё, что могли.

— Участвовали ли в спасательных работах также ученые из ОИЯИ?

Л. С. Никулина.
Фото Елены
Пузыниной, ОИЯИ

— Обязательно. Наши ученые уже раньше разработали специальные респираторы, «лепестки», которыми впоследствии пользовались ликвидаторы. Это было наподобие современных респираторов, только те были разработаны на основе ядерных фильтров. Над разработкой «лепестков» тогда трудился начальник отдела прикладной ядерной физики ЛНФ ОИЯИ проф. Е.Д. Воробьев. В июне 1986 года он, несмотря на запрет врачей, вместе с Г.Н. Флоровым и В.Н. Покровским вылетел в Чернобыль, чтобы испытать на эффективность изобретенный респиратор. Ну и в основном в Чернобыль направляли дозиметристов. Об этом в нашей брошюре «Опаленные атомом» (Дубна, 2006) очень интересно написал специалист по радиационной физике и участник спасательных работ в Чернобыле, сотрудник Лаборатории радиобиологии ОИЯИ Г.Н. Тимошенко (увы, недавно скончавшийся). Ездил даже профессор, они пытались разобраться с реактором. В ликвидации катастрофы активно участвовал, например, проф. С.Г. Покровский.

— Когда людей из Дубны начали направлять на место аварии?

— Некоторые выезжали сразу после катастрофы. Как только об этом сообщили, туда отправили людей из управлений механизации. Авария случилась 26 апреля, но дня четыре-пять, в праздничные дни, это держалось в тайне. А потом в мае — уже какая тайна, когда со всей страны народ повалил помогать?

— Люди туда ездили по принуждению или сами хотели туда ехать?

— Больше было добровольцев. Когда кого-то назначали, а он сказал, что ехать не может, например потому что молодой и у него еще детей нет и это опасно, то на это обращали внимание. Отправляли не всех. В отдельных предприятиях и организациях обязательно спрашивали, кто готов, а кто не готов ехать. Насилия не было.

— Солдат из Дубны туда тоже отправляли?

— В Дубне было расположено Высшее военное строительное командное училище (ВВСКУ). И вот из этого училища направлялись ребята моло-

Памятник погибшим
чернобыльским пожарным

дые в возрасте 20–21 год на ликвидацию аварии.

— Сколько их туда отправили?

— У меня в списке 13 человек. Только вдовы пишут о своих мужьях, которые совсем молодые туда были направлены. По словам моего мужа, их отправляли убирать куски радиоактивного графита с крыши реактора. Работали всего по несколько минут, но всё равно здоровье моментально подкачало — многие из солдат умерли сразу в 1986 году. И это, конечно, было по принуждению. Об их судьбах знали только их жены и вдовы из нашего Совета. Некоторые из них вышли замуж за солдат, которые уже работали в Чернобыле и вернулись. Я спрашивала у этих женщин — оказалось, у их детей имеются отклонения в здоровье. Но ничего не сделала.

— Что толкало людей на такой подвиг?

— Моральный долг, патриотизм — это тогда совмещалось. В чем-то это было похоже на мобилизацию. Сказали — поехали. Редко кто «тормоз делал», в основном ехали. Уезжали с мыслью, с настроением, что едут защищать родину.

— До людей доходило, какая им угрожает опасность?

— Первые — те, что отправлялись в мае, — еще не знали, что они там будут делать и насколько это опасно. А потом уже пошло — телевидение и радио начали глаголить — и всем стало ясно, куда едут. К тому же у нас тут институт рядом, и все прекрасно понимали, что такое радиация, какая от нее грозит опасность, даже в лабораториях. Так что они уже знали, что произошло и на что идут. И, конечно, боялись.

— Когда случился взрыв, вы с мужем были в Дубне?

— Да. О случившемся я узнала от мужа, когда ему ночью позвонили. В тот самый день он и отправил туда бензовозы.

— Когда ваш муж узнал, что поедет на место катастрофы?

— Это стало понятно сразу. Все начальники должны были там по очереди присутствовать, потому что там работали их люди. Мой муж, Виктор Прокопьевич Никулин, тогда работал начальником участка № 4 Управления

механизации автотранспорта № 1 треста «Спецмонтажмеханизация». Уже в начале мая он начал организовывать отправку в Чернобыль бензовозов, их сопровождал его заместитель, а сам он туда поехал только в сентябре, на смену. Позже туда был отправлен и другой автотранспорт — везли бытовки, душевые, столовые для участников ликвидации последствий аварии. С участка в Чернобыль был откомандирован 31 человек — это водители, машинисты кранов и трубоукладчиков. Муж там руководил большими кранами «Демаг», которые пришли из Германии и поднимали тяжелейшие конструкции для «Саркофага», там был громадный тоннаж — 1200 тонн, грузоподъемностью 650 тонн и длиной стрелы 72 метра! Он сидел за пультом и наблюдал за работой крана, которая контролировалась дистанционно из бункера.

— Дубненцы, которые попадали в Чернобыль, самоорганизовались, держались вместе или были распределены по разным секторам спасательной операции?

— Каждый выполнял свое, и жили они по-разному. Наши жили в тридцатикилометровой зоне. А собиравшись все вместе, когда устраивались какие-нибудь мероприятия. Знаю, что в этот период приезжали Иосиф Кобзон и Алла Пугачёва.

— Вы получали от мужа письма, новости?

— Конечно. В основном созванивались.

— Вы за мужа переживали?

— Конечно, переживала — тогда я уже знала, что он там радиации нахватается, если даже начальники главных управлений министерства, управляющие трестов и начальники управлений механизации уже нахватались. Тогда, в 1986-м, быстрая смерть настигала в основном персонал станции, а также первых пожарных, которые тушили огонь между третьим и четвертым блоком, и летчиков. Уже к концу мая от острой лучевой болезни скончалось 30 человек.

— Статистика говорит о 22 тыс. пострадавших из тех, кто участвовал в ликвидации катастрофы в 1986–1989 годах. Она соответствует действительности?

— Она не точная, потому что тех, кто страдает от последствий облучения, каждый год прибавляется. Правда, только у тех, кто стоял в первых рядах, не было подтверждено, что болезнь связана с ликвидацией Чернобыльской катастрофы. Были списки болез-

Кран «Демаг», которым управлял муж Любови Никулиной при сооружении саркофага

ло крышу, но восстановить ее никак не получалось. Все об этом говорили. Но это, конечно, было засекречено. А рассекретили уже только тогда, когда произошла катастрофа в Чернобыле, — в 1990-х, когда из Казахстана выгоняли русских, в том числе из Семипалатинска — это же Казахстан. Разъехались и родственники моего мужа, и его мама тоже — еще хорошо, что у нее была дочка в Тамбовской области. Когда уезжали, данные о катастрофе уже были рассекречены, и они получили справки, что будучи еще детьми получили определенную дозу радиации. Деревня, в которой

Памятник ликвидаторам последствий радиационных катастроф, установленный на Площади Мира в Дубне в 2016 году. Скульптор — Самвел Сардарян

► ней, которые могут быть от радиации. И по этому списку радиологическая больница № 6 в Москве выдавала заключения. В этой знаменитой «шестерке» парами лежали и сотрудники лабораторий нашего института, которые работают с радиацией, из ЛЯРА например. А сегодня больной, инвалид, даже если он побывал в Чернобыле, будет уже с большим трудом доказывать, что его болезнь связана с тогдашним облучением. Не каждому при получении инвалидности присваивают связь с аварией на ЧАЭС. Это очень сложно получить.

— У тех, кто в первые дни, месяцы работы поблизости от взорвавшегося реактора, впоследствии появилась лучевая болезнь. Как на эту ситуацию реагировали власти? Выплачивали компенсации пострадавшим?

— При Горбачёве ничего такого не было. С 1986 года, когда всё это началось, Минздрав и соцзащита компенсации не выплачивали. С наступлением гласности мы все читали, что они должны компенсировать ущерб пострадавшим и их семьям, мы знали, что у нас на это есть право, но ничего такого не было, нас держали в неведении. И за все эти годы это потом выплачивалось с 1991 года, когда Ельцин стал у власти, т. е. заплатили сразу за несколько лет. Мы это, конечно, приветствовали.

— Как составлялись списки тех, кто имел право на компенсацию?

— Каждому ликвидатору аварии выдавалась справка об участии его в ликвидации аварии с указанием срока пребывания на ЧАЭС и приобретенная радиация в бэрах, что являлось основным документом для получения льгот и компенсаций. На основании этих справок уже соцзащита составляла списки на компенсацию и получение льгот.

— Когда начали возникать общественные ассоциации пострадавших и их родственников?

— Это тоже началось уже с 1990-х.

— Как организовались ветераны-ликвидаторы и их родственники в Дубне?

— Где-то в 1990-х годах организовалась Дубненская городская организация Общероссийской общественной организации инвалидов Союз «Чернобыль» России, председателем которой был Николай Фёдорович Бершанский. Все ликвидаторы аварии были под эгидой этой организации. Зачастую в Москве устраивались совместные мероприятия «чернобыльцев», из разных регионов направлялось по несколько делегатов. Траурные мероприятия проходили на Митинском кладбище, где похоронены первые жертвы, которые шли через «шестерку». Но главным образом эти организации создавались для того, чтобы защищать права жертв и их родственников.

— Как возникло дубненское Общество вдов ликвидаторов чернобыльской аварии?

— Когда мой муж умер, я пошла к председателю дубненских «чернобыльцев», чтобы узнать, какими льготами я могу пользоваться. Председателем Московской областной организации был тогда Вячеслав Викторович Китаев, который всем пострадавшим оказывал юридическую помощь — помогал писать письма в суды и прочее. Он всё мне рассказал, объяснил, но там оказались какие-то сложности, и мне пришлось поехать в область, чтобы защитить себя и добиться выплаты компенсации. Мы поехали, и оказалось, что там как раз начинали собирать книгу памяти жертв Чернобыльской катастрофы. Смотрю — другие организации приносят тексты, фотографии. Тогда я познакомилась с некоторыми из дубненских вдов пострадавших, мы собрали всех оставших и оповестили их: кто хочет о своих мужьях написать и дать материалы для этой книги — пусть мне приносят. Хоть тексты и были небольшие, но каждый свою душу изливал. Я из них вытаскивала всё, что можно, мне казалось важным, чтобы люди больше написали. И я потом уже всё скомпоновала, отредактировала и передала в Москву издателям. На этой почве возникло наше общество.

— Сколько дубненцев скончалось непосредственно вследствие Чернобыльской аварии?

— Из 350 человек, которые участвовали в ликвидации, на сегодняшний день осталось в живых 195. Выходит, скончалось 150–160 человек, здоровье которых было так

или иначе подорвано последствиями их пребывания в Чернобыле. Но это, конечно, относительные цифры, потому что, например, имена «чернобыльцев», которые от военкомата, нигде не числятся. То есть в наш список они не входят, а должны бы.

— Можете оценить вклад ОИЯИ в решение ситуации с Чернобыльской АЭС?

— Эти заслуги, этот подвиг остается в тени... Мы все остаемся в тени.

— То есть на этих людей общественность должна обращать больше внимания?

— Да. Впрочем, про институт: я уже говорила о том, что его вклад был существенный — он давал ликвидаторам дозиметры и эти «лепестки» собственной разработки. А вклад дубненских строителей и механизаторов — он же огромный, они же были основной силой, которая была брошена на ликвидацию по монтажу саркофага над четвертым энергоблоком! Это была основа основ!

— По-вашему, на это мало обращается внимания?

— Сейчас на всё это обращается мало внимания. Начиная с 2014 года об этом не говорят, потому что Чернобыль на Украине — и всё. Всё ушло, оно не наше. И могут сказать: «Кто вас отправлял? Мы ведь вас не отправляли. Поехали — ваше дело».

— То есть к «чернобыльцам» нет такого внимания, как, допустим, к ветеранам Великой Отечественной войны или «афганцам»?

— «Афганцы» — они хотя бы такая сильная кучка. А «чернобыльцы» здесь, в Дубне, рассыпаны. Как обидно за них, что они так рассыпаны! Нет предводителя, нет организатора, мэрия не организывает никаких мероприятий. Еще спасибо инициативной группе «чернобыльцев» офицерского состава, их председателем Ивану Михайловичу Василенко — ежегодные поминальные митинги проходят благодаря ему. Только благодаря ему и его составу установили памятник жертвам техногенных катастроф на площади Мира. А так мэрия — ноль. Институт тоже не вносит особый вклад в наше дело — дадут немного денег — и всё. Хотя бы своих чтит — если они что попросят, для них всё делается. А другие отброшены. Областное министерство социальной защиты выделяет каждый год ко дню памяти аварии 20 тыс. руб. на этих 195 человек ликвидаторов и 48 вдов, на которые зачастую приобретаются билеты на концерты или на спектакль. Получается 10–12 билетов на это количество людей. «Распределите!» — и всё. Это смешно. Я иногда обзваниваю «чернобыльцев», раздаю им эти билеты, и они, слава Богу, благодарны, что о них хотя бы вспомнили. Так что чтобы их особо чтить, как было раньше, — такого сейчас не вижу. Раньше, в 1990-х и в 2000-х, «чернобыльцы» вместе выезжали, их возили на экскурсии, в театр. А вот последних лет пять я такого не вижу.

— Центральная московская организация тоже не помогает?

— Нет никакой помощи, всё рассыпано. Это общая проблема, не только Дубны.

— Сколько людей, участвовавших в ликвидации аварии, и их близких родственников еще в живых и нуждаются в поддержке?

— Таких данных у меня нет. Но если учесть, что в ликвидации катастрофы участвовало 850 тыс. человек, — это огромные цифры.

— С жителями Дубны, которые пострадали от других техногенных катастроф — на производственном объединении «Маяк» или в Семипалатинске — вы были знакомы?

— Да, я знакома со многими вдовами тех, кто из-за этих катастроф приехал в Дубну и начал работать в институте. У меня список тех, кто там пострадал, и их вдов. Они слились с «чернобыльцами» в одно русло, вошли в тот самый список. У нас был общий председатель организации, т. е. Николай Бершанский, и он всех взял под свое крыло. Тем более, что у них были те же самые проблемы.

— Когда вы с мужем приехали в Дубну?

— Мы здесь с 1981 года.

— Откуда вы родом?

— Я сибирячка, из Новокузнецка.

— Где вы познакомились с мужем?

— В Новокузнецке, на строительстве Западно-Сибирского металлургического завода. Я туда поехала в 1957 году. Будучи

комсоргом класса, я сделала призыв поехать по комсомольским путевкам, и мы с девчонками поехали. А в 1959 году туда приехали наши солдаты, служившие в Германии, тоже по комсомольским путевкам. И мы этих солдат себе в мужья «выбирали».

— Почему вы оттуда уехали в Узбекистан?

— Муж не любил город Новокузнецк, он был очень загазованный, там шахты, металлургия, алюминиевый завод, ужасная экология: утром встаешь — дышать нечем. Муж всё трывдел-трывдел, ну и ладно — у меня знакомые, с которыми я работала на строительстве, уехали в Джалал-Абад республики Кыргызстан. Я с ними списалась — и они ответили: приезжай, работа есть. Но там не светила квартира, и муж с другом поехали в Наманган республики Узбекистан, где строилась шелкоткацкая фабрика. Прозондировали — оказывается, можно переехать. В июле приехали и в ноябре получили квартиру. Я работала в строительном тресте, а он — начальником специализированной передвижной механизированной колонны.

— В Узбекистане вы прижились?

— Всё было хорошо до 1981 года, когда начались волнения во всех центрально-азиатских республиках. За рынок приедешь — только и говорили нам: езжай в свою Россию. Впрочем, уехали мы из Узбекистана не по этой причине, а из-за моего здоровья. Там везде хлопок, и на меня это очень сильно действовало. И, может быть, еще больше химия — там обрабатывались поля. Потом оказалось, что аллергией страдала не я одна, а многие. На то, что у нас развивалась аллергия от хлопка и химических удобрений, нам не давали больничных листов. У нас даже не брали пробы, потому что у каждого обнаружили бы. Поэтому пришлось уехать. Еще хорошо, что знакомые помогли нам. Только мы уехали — и волнения начались.

— Что было причиной этих волнений?

— Это всё было на национальной почве, очень напряженно стало. Узбеки гнали русских, и те уезжали массово.

— А советская власть как реагировала?

— В том-то и была проблема. Главой ЦК партии Узбекистана был Шараф Рашидов, и при нем хлопок загоняли — врал, показывали в статуправления большие цифры, хотя их не было, и Узбекистан спустили на дно. Можно сказать, этот первый секретарь нарушил нормальные взаимоотношения. Узбекский народ взбунтовался и пошел громить русских под горячую руку. Я погромов не видела, но они были. Даже из квартир русских выгоняли, все стали уезжать. Наши друзья там жили и всё рассказывали.

— Как вы попали в Дубну?

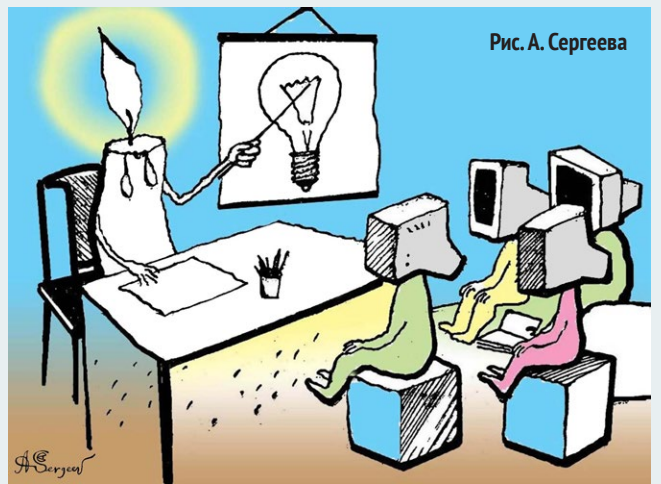
— Нам помогли сюда попасть наши друзья. На тот момент это был закрытый город, и надо было действовать по особой схеме. Нам предложили на выбор Дубну, Протвино и Серпухов, это всё наукограды. Я посмотрела по карте, из всех городов понравилась только Дубна: реки, леса — это всё то, что нам нужно. Мы родились среди сибирской природы — кругом тайга; нам нужен был такой же климат. Хотя мы не были ни ядерщиками, ни физиками, но всё же устроились: я в отдел капитального строительства ОИЯИ, муж — начальником участка механизации автотранспорта.

— Сколько ваш муж прожил после того, как участвовал в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС?

— Прожил он еще 14 лет, но уже большой. Инвалидность ему дали уже после первой поездки в 1986 году, у него тогда развился цирроз. А в 1988 году поехал туда снова, уже зная, что больной. Цирроз уже был при нем, и тут он прихватил дополнительную дозу радиации и целый месяц пролежал там с гепатитом. И даже потом не поехал домой и проработал там с мая до ноября. Вернулся уже инвалидом. Лечился в Москве, в «шестерке» — там же связь с Чернобылем поставили и дали справку. Помогали всячески, давали путевки в санатории, но цирроз не вылечили.

— У него осталось ощущение исполненного долга?

— Конечно! Мы же были патриоты своей родины, по комсомольским путевкам на строительство ездили... и там патриоты, и тут патриоты. Но главное — он не погиб в наших душах. ♦

Подготовка научно-технических кадров в РФ = бессмысленная трата бюджетных денег?

Я научный работник в столичном академическом институте, но по роду своей деятельности мне приходилось работать в американских, европейских и азиатских университетах и научных центрах. У меня накопились мысли по поводу подготовки кадров в нашей стране, и этими мыслями я и хочу поделиться.

Во все годы чиновничества, оказавшееся во главе науки и образования (ФАНО, Минобр и пр.), преимущественно направляло скудные бюджетные средства на школьников и студентов — кванториумы, сириусы, фестивали, программы 5/100, бесконечные информационные системы, доплаты преподавателям за публикации и т. п. Казалось бы: ну и замечательно?

Но что происходит в реальной жизни? Отбирают лучших школьников, они поступают в обновленные университеты и с блеском их заканчивают. И вот, наконец, они приходят на работу в РАН или ведомственный НИИ. И здесь выясняется, что зарплата молодого сотрудника с университетским образованием — 17 тыс. руб., примерно как минимально возможная зарплата. Вроде возможно получение надбавок за публикационную активность и, если повезет, возможно участие в грантах... Но это всё еще когда будет, а пока надо жить на прожиточный минимум.

И вот с таким трудом подготовленный специалист озирается кругом и уезжает в аспирантуру или постдоком за кордон, в конечном счете начинает трудиться на другую страну. И этот конвейер, вымывающий из страны не только молодые кадры, но и немалые средства, потраченные на их подготовку, непрерывно работает уже несколько десятилетий. На всех международных конференциях число русскоязычных ученых из западных стран намного превышает число участников из РФ. Таким образом, вся деятельность наших «образовательных» чиновников, по сути, сводится к тому, что страна за свой счет бесплатно поставляет подготовленные кадры для западной науки и промышленности или для преуспевающего банковского бизнеса. Более того, чиновниками придумываются программы, чтобы даже ускорить процесс оттока перспективных кадров — например, запускают программу «Глобальное образование», чтобы оплачивать за счет бюджета тысячам россиян учебу в западных вузах каждый год в расчете на то, что они потом вернутся и поднимут нашу «лапотную» экономику до небывалых высот.

Но и что же делать с идущей на наших глазах деинтеллектуализацией страны? Власти на это лишь разводят руками: «люди идут работать туда, где им лучше, что же делать...» И вот вместо создания привлекательных рабочих мест для выпускников с достойной зарплатой громадные деньги тратятся на олообразовательную суету, а по сути — на подготовку кадров для Запада или небедствующего бизнеса.

Можно ли что-то начать делать уже сейчас, чтобы не продолжать эту разорительную политику? Зарплаты исследователей на равных позициях в РФ и остальном мире различаются на порядок, и наивно надеяться, что в обозримом будущем власти намерены это исправить. Но хоть какие-то шаги, не требующие пересмотра бюджета, делать надо. Самый простое и эффективное — сделать образование платным и без всяких стипендий! На это сразу раздадутся вопли «а как же талантливый мальчик из бедной деревни попадет в МГУ?». Да так же, как бедный американский мальчик попадает в университеты США! Для этого государство ему предоставляет специальный студенческий кредит на 15–20 лет под минимальный процент. Когда пресловутый мальчик заканчивает университет и получает нормальную работу, он без особого напряжения выплачивает этот растянутый на много лет кредит. В нашем случае это было бы особенно важно. Сразу изменится отношение студентов к занятиям, и государство перестанет впустую распылять средства. Даже если выпускник и подастся в другие края, университет его хотя бы не бесплатно обучал. А само университетское образование станет высокодоходной отраслью экономики. И не надо говорить, что на программу студенческих кредитов не найдется средств — почему-то подкармливать застройщиков дешевой ипотекой средства находятся!

Итак:

1. Вместо помпезных мероприятий и надуманных программ вкладывайте эти средства в создание рабочих мест для выпускников с достойной зарплатой! Отмените идиотское правило, что за одну и ту же работу в столице надо платить больше, чем в небольшом городе, из-за которого интеллектуальные ресурсы вымываются из провинции.

2. Образование делаем платным, но одновременно с введением системы государственных студенческих займов. Причем на некритические для страны специальности, манящие будущими доходами (экономика, юриспруденция, политология, международные отношения, IT, искусство и т. п.), образование нужно сделать 100-процентно платным уже сейчас.

Эта проблема слишком важна для страны, чтобы отдавать ее на рассмотрение Раковой и Ко, и к обсуждению возможных подходов к прекращению безумного конвейера должно подключиться всё профессиональное сообщество.

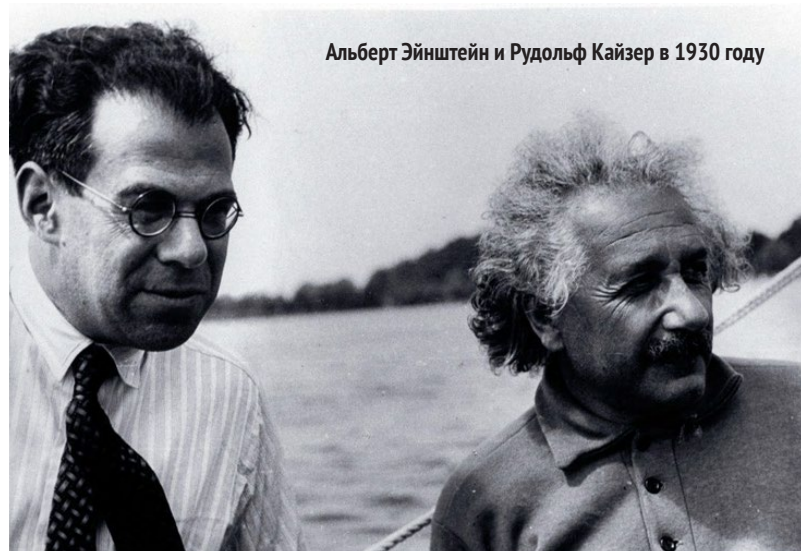
Докт. физ.-мат. наук, проф. Вячеслав Пилипенко

Море Эйнштейна – 2

Евгений Беркович

Галина Вайнштейн предлагает делить все биографии Эйнштейна на две категории: документальные и недокументальные. Документальные биографии написаны людьми, знавшими Эйнштейна лично и получавшими информацию от него и от тех, кто был в личном контакте с ним. Эти биографии можно дополнительно разделить на две подгруппы: написанные при жизни Эйнштейна и написанные после его смерти. Среди первой подгруппы есть биографии, которые просмотрены Эйнштейном, — они считаются наиболее надежными. Другие он считал менее надежными, а третьи рассматривал как чистый вымысел (Weinstein, 2017).

Таким образом, следует постоянно иметь в виду, что «документальность» биографии — это еще не гарантия ее надежности и точности. Впрочем, недокументальные биографии грешат ошибками еще чаще¹.

Альберт Эйнштейн и Рудольф Кайзер в 1930 году

Воспоминания сестры Эйнштейна

Среди документальных биографий особое место занимают воспоминания сестры Эйнштейна — Майи Винтелер-Эйнштейн. Майя была на два с половиной года моложе Альберта, она уехала с родителями в Италию, где посещала начальную школу на немецком языке. Затем по рекомендации брата переехала в Аарау и окончила «учительский семинар» при кантональной школе. В 1905 году она получила лицензию учительницы. Затем изучала романские языки в ряде европейских университетов и в 1908 году защитила докторскую диссертацию в Бернском университете в Швейцарии по французской филологии. В марте 1910 года вышла замуж за Пауля Винтелера, с которым познакомилась во время учебы в Аарау. Согласно действовавшим тогда законам, тем самым она потеряла право работать учительницей, так как замужество и преподавание в школе считались несовместимыми. В немецкоговорящих странах этот нелепый закон, ущемлявший права женщин, был отменен только в 1950-х годах.

Воспоминания о великом брате доведены до 1924 года и остались незаконченными. Но о его детстве и периоде становления ученого написано подробно. Как отметил Абрахам Пайс, «биографический очерк Майи, законченный в 1925 году, — основной источник сведений о ранних годах Альберта» (Пайс, 1989, с. 44). Оригинал воспоминаний хранится в семье Бессо, в Принстонском архиве имеется копия (Пайс, 1989, с. 55–56). Если бы не воспоминания Майи, мы бы вряд ли узнали «об испуге матери при рождении сына: голова у младенца была слишком большая, с угловатым затылком (эта редкая форма черепа сохранилась на всю жизнь); о первых словах бабушки при виде нового члена семейства: „Viel zu dick! Viel zu dick!“ (Ой, какой толстый!)»; о родительских страхах: не окажется ли ребенок неполноценным, слишком уж долго он не говорит. Страхи эти оказались беспочвенными» (Пайс, 1989, с. 44).

Оригинал рукописи Майи содержит 36 страниц. Страницы от 4-й до

16-й опубликованы в первом томе Собрания документов об Эйнштейне (Einstein, 1987). Майя сочувствует брату и с болью отмечает проблемы, с которыми ему приходилось сталкиваться на пути становления ученого. Например, она пишет, что пока он не мог найти работу, его питание было скудным, отчего он заработал болезнь желудка. Майя отмечает, что после опубликования в 1905 году знаменитой статьи о специальной теории относительности многие ученые стали писать письма «профессору Эйнштейну» и адресовать их в Бернский университет, в то время как автор теории относительности еще не имел ни одной научной степени и работал не в университете, а в патентном ведомстве Швейцарии, т. е. занимал абсолютно ненаучную должность. Майе казалось, что ее брата недооценивают его коллеги-физики.

О некоторых деталях биографии Альберта она сознательно умалчивает, например ничего не говорит о судьбе рожденной вне брака дочери Лизерль.

Работа Рудольфа Кайзера

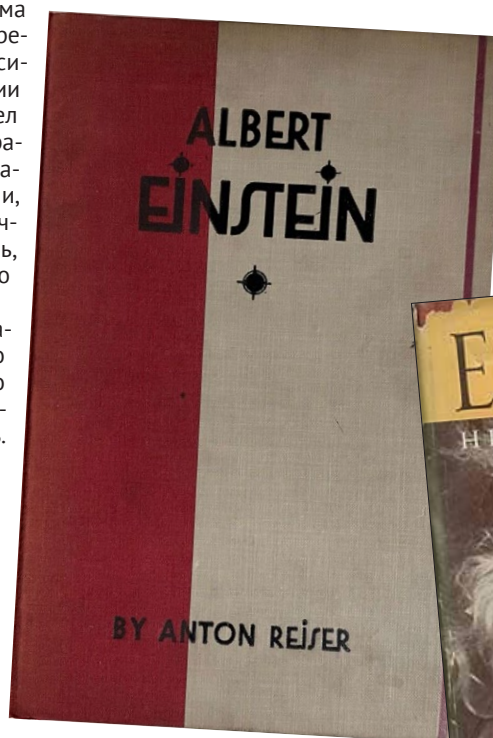
В 1930 году биографический портрет Эйнштейна (так звучит подзаголовок книги) написал супруг его падчерицы Ильзы, историк литературы, старший редактор берлинской *Neue Rundschau* Рудольф Кайзер (Rudolf Kayser), выступивший в данном случае под псевдонимом Антон Райзер² (Reiser, 1930). Эйнштейн не просто одобрил свою биографию, написанную Кайзером, он написал к ней предисловие, а отдельные эпизоды явно написаны с его слов. В предисловии к книге Эйнштейн пишет: «Я нахожу факты в этой книге довольно точными, а их описания на протяжении всего текста столь хороши, насколько можно ожидать от человека, не являющегося мной» (Reiser, 1930, р. XI).

² Заглавный персонаж психологического романа Карла Филиппа Морица (1756–1793), вышедшего на русском языке в издательстве «Отто Райхль» в 2014 году. — Прим. ред.

Несмотря на положительную оценку биографии, Эйнштейн не дал разрешения издать ее на немецком языке, но чтобы дать зятю подработать, книгу перевели на английский и опубликовали в 1930 году в Нью-Йорке и в 1931-м — в Лондоне. Запрет на публикацию на немецком Эйнштейн объяснил тем, что считает безвкусными издания биографий и автобиографий живых людей. Кроме того, в книге Кайзера слишком много, по мнению Эйнштейна, уделяется внимания личной жизни, а не научным достижениям ученого (Weinstein, 2017, р. 534).

В 1997 году вдову Кайзера, его вторую жену Еву, урожденную Ургисс (Eva Urgiss), просили разрешить немецкое издание книги ее покойного мужа. Она ответила, что не раз обсуждала этот вопрос с Рудольфом и поняла, что и он, и профессор Эйнштейн были категорически против немецкого издания. Поэтому и она не может его разрешить.

Книга Кайзера и воспоминания Майи Эйнштейн ценны тем, что их авторы знали Эйнштейна лично, видели его в домашней обстановке, как выразился сам Эйнштейн, «в шлепанцах» (Reiser, 1930, р. XI). Кроме того, это единственные книги, написанные в то время, когда Эйнштейн еще жил в Берлине.

Первое издание «биографического портрета» Рудольфа Кайзера (1930 год)

«Эйнштейн» Филиппа Франка

Первой биографией Эйнштейна после его переезда в Америку в 1933 году стала книга Филиппа Франка «Эйнштейн. Его жизнь и его время»³ (Frank, 1979). Филипп Франк тоже лично знал Эйнштейна, он стал его преемником в должности профессора теоретической фи-

³ На корешке книги почему-то другое название, чем на титуле и в выходных данных: «Альберт Эйнштейн. Его жизнь и его время».

Евгений Беркович

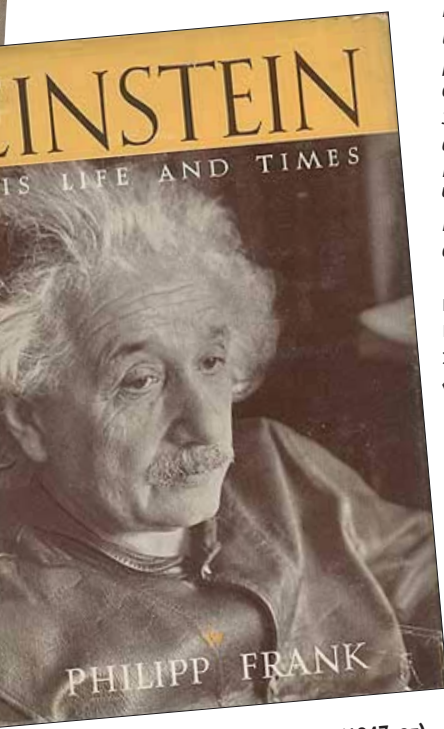

зики Немецкого университета в Праге. После 1938 года Франк тоже эмигрировал в Америку и снова встретился с Эйнштейном. Тогда и появилась идея написать биографию великого коллеги. В предисловии к книге автор пишет: «Кто хотя бы в малой степени осмыслит личность Эйнштейна, его работы и их действие, тот научится лучше понимать мир нашего XX века» (Frank, 1979).

Писать биографию Эйнштейна Франк начал в 1939 году в Нью-Йорке, продолжил в 1940-м в Чикаго и закончил текст в 1941-м в Бостоне. Рукопись написана на немецком языке, но издавать ее в Америке в таком виде во времена начавшейся Второй мировой войны было невозможно. Поэтому вначале книга Франка издана в 1947 году в переводе на английский, причем в сокращенном варианте. И только в 1949 году появилась на немецком в полном объеме авторской рукописи.

Книга Франка содержит много интересных деталей и наблюдений внимательного человека, лично знакомого с героем биографии. Автор книги подчеркивает необычность личности Эйнштейна и подкрепляет свой вывод таким забавным наблюдением. Однажды Франк приехал в Принстон в разгар зимы. На улицах лежали высокие, но уже начинающие подтаивать сугробы. Общественный транспорт не действовал, а ему нужно было найти дом знаменитого немецкого математика Германа Вейля. Адрес Франк знал — дом 270 по улице Мерсер. Все же он спросил человека, сгребавшего снег с улицы, как найти этот дом. Человек на минуту задумался, а потом радостно сообщил, что это «дом Эйнштейна». Адрес Эйнштейна — дом 112 по той же улице Мерсер — Франк

тоже хорошо знал, поэтому возразил, что дом, который он ищет, никак не мог быть домом Эйнштейна. Тогда уборщик снега ответил, что так дом 270 зовут все жители улицы Мерсер, и предложил подвести Франка на грузовике, на котором он вывозил снег, чтобы тот сам мог в этом убедиться. Франк охотно

Первое издание книги Филиппа Франка (1947 год)

согласился, учитывая, что погода не располагала к длительным прогулкам. Дом 270 оказался построенным в модном европейском стиле «баухаус» с плоской крышей. Он разительно отличался от остальных домов на улице (в том числе от жилища Эйнштейна), построенных в традиционном для Америки колониальном стиле. Уборщик снега торжествовал: «Видите, этот дом выглядит совсем не так, как соседние?» (Frank, 1979, S. 9–10).

Предисловие к книге написал сам Альберт Эйнштейн. Он признается, что не очень любит читать биографии. Автобиографии обязаны своим появлением либо самолюбованию автора, либо его негативному отношению к современникам. Биографии же, написанные другими людьми, больше рисуют характеристики их авторов, чем описываемую персону. Так что образ героя биографии предстанет в книге словно в кривом зеркале (Frank, 1979, S. 5).

Несмотря на то, что Эйнштейн был в принципе против биографий, он тем не менее, по его словам, вдохновил «своего старого товарища профессора Франка написать эту книгу, которая имеет вид биографии» (Frank, 1979, S. 6). Ее автор, по мнению Эйнштейна, «обладает необычайным чутьем к психологическим взаимозависимостям, которые лежат в основе не только научных идей, но также оценки и политического чувства различных поколений» (Frank, 1979, S. 6).

Далее Эйнштейн описывает давнюю занимательную его загадку: «Никогда не мог понять, почему теория относительности с ее столь далекими от жизни понятиями и постановками задач уже долгое время вызывает в широчайших слоях населения такой живой, даже страстный резонанс. Ничего подобного не происходило со времен Галлея. Но тогда была поколеблена санкционированная церковью точка зрения на положение человека в космосе — событие выдающегося культурно-исторического и политического значения, — в теории относительности же речь идет о попытке уточнения основных физических понятий и логическом совершенствовании системы гипотез, которая лежит в основе этой науки. Что вызывает здесь такое громадное и неизгладимое психическое действие?» (Frank, 1979, S. 6).

Сам ответить на поставленный вопрос автор теории относительности не может, но выражает уверенность, что это может сделать профессор Франк: «Но я знаю, что доктор Франк может пролить свет на подобные взаимозависимости, так как обладает философско-психологической интуицией, а также глубоким знанием современной физики и истории развития физических идей. Именно это вкупе с моим любопытством, как такое получилось, побудило меня вдохновить доктора Франка на эту книгу» (Frank, 1979, S. 7).

Судить о том, справился ли Франк с поставленной задачей, Эйнштейн не берется, но твердо уверен в том, что читателю можно обещать следующее: «он найдет в книге умное, интересное и убедительное объяснение, которое ему хотя бы отчасти покажется новым и поразительным» (Frank, 1979, S. 7).

О том, кто побудил Франка написать биографию Эйнштейна, есть и другие мнения. Джеральд Холтон (Gerald Holton), у которого Филипп Франк был научным руководи-

¹ Продолжение. Начало в ТрВ-Наука № 370. trv-science.ru/2023/01/more-einsteina

► телем в Гарвардском университете, рассказывал со слов шефа, что именно жена Франка посоветовала ему написать биографию Эйнштейна (Holton, 2006, p. 300). Точно сказать, кто все-таки был инициатором новой биографии великого ученого, трудно; возможно, что и жена Франка, и сам Эйнштейн добивались одного и того же.

Холтон оценивал книгу Франка очень высоко, особенно за исторический, философский и культурный контекст, хотя читал английский перевод, сильно урезанный по сравнению с немецким оригиналом. Франк рассказывал Холтону, что американский издатель книги Альфред Кнопф (Alfred Knopf) поручил редактирование рукописи американцу по имени Георг Розен (Georg Rosen), который знал английский язык, но не разбирался в физике, и японцу Сюити Кусака (Shuichi Kusaka), который знал физику, но не владел английским (Weinstein, 2017, p. 536). В результате работы двух редакторов рукопись была существенно сокращена, а издатель выбросил из американского издания предисловие Эйнштейна. К счастью, в немецком издании 1979 года книга издана без купюр и с предисловием Эйнштейна (Frank, 1979).

Биографии Эйнштейна, написанные Карлом Зелигом

Еще одной документальной биографией Эйнштейна, написанной при его жизни после переезда в США, стала книга швейцарского журналиста и писателя Карла Зелига (Carl Seelig) «Альберт Эйнштейн и Швейцария» (Seelig, 1952), вышедшая в 1952 году в издательстве самого Зелига Europa Verlag. За ней последовала дополненная биография ученого «Альберт Эйнштейн. Документальная биография» в том же издательстве (Seelig, 1952a). Впоследствии она несколько раз перерабатывалась и стала называться «Альберт Эйнштейн. Жизнь и труды гения нашего времени» (см., напр., (Seelig, 1960)).

Зелиг, в отличие от Филиппа Франка, не был ни физиком, ни знакомым Эйнштейна. Это подтверждает сам Эйнштейн в письме Морису Соловину от 7 мая 1952 года: «Зелиг кажется мне приятным человеком. Я сужу целиком по его поступкам, поскольку лично с ним не знаком» (Эйнштейн, 1967, с. 571).

Зелиг уже давно искал контакта с автором теории относительности, переписывался с ним и его друзьями, часто посещал больного сына Эйнштейна Эдуарда, собирал забавные истории, анекдоты, рассказы о великом ученом. Его интерес к берлинскому профессору пропал в 1919 году после экспериментального подтверждения выводов общей теории относительности, когда к Эйнштейну пришла мировая слава сокрушителя теории великого Ньютона. Поначалу Зелиг собирался опубликовать в своем издательстве избранные научно-популярные работы Эйнштейна. Дело дошло даже до заманчивого делового предложения: за книгу Эйнштейна под редакцией Зелига автор получит за проданные тысячу экземпляров неплохой гонорар в две тысячи марок (Weinstein, 2017, p. 537). Эйнштейн поблагодарил за предложение и вежливо отказался.

В сборе материалов, связанных с жизнью ученого, Зелиг иногда переходил границы, которых собирался придерживаться Эйнштейн. Ученый не без оснований опасался, что Зелиг не сможет грамотно рассказать о его научном вкладе, зато вынесет на суд общественности детали личной жизни, которые выносить не следует. Эйнштейн ответил на некоторые вопросы Зелига, но в целом от подготовки биографии, о которой швейцарский журналист говорил в начале 1950-х годов, Альберт решил отказаться. Другу Морису Соловину 30 марта 1952 года Эйнштейн писал: «Что касается Карла Зелига, то он честный человек. К сожалению, к своей задаче он относится излишне серьезно и докучает ею всему миру. Вы можете говорить с ним о чем угодно и обходить молчанием всё, что сочтете нужным. Нехорошо лишь, скажем нейтрально, представлять перед публикой в голом виде. Что нужно делать, решите сами и мне не сообщайте, поскольку я не хочу даже косвенным образом вмешиваться в это предприятие. Правда, на некоторые вопросы по существу я ему ответил» (Эйнштейн, 1967, с. 568).

Активно собирать сведения для биографии Эйнштейна Зелиг начал в начале 1950-х го-

дов. Так как Эйнштейн отказался отвечать на поток писем Зелига, то основным источником информации швейцарский журналист выбрал ближайшего друга Эйнштейна Мишеля (Микеля) Бессо.

Первое письмо Зелиг написал Бессо 11 февраля 1952 года. В нем было много вопросов об Эйнштейне. Представился Зелиг как редактор газеты *Neue Zürcher Zeitschrift* и автор ряда биографий. Бессо отвечает на его письмо 19 февраля. Затем последовали новые письма Зелига (24 февраля и 11 марта) с новыми списками вопросов, на которые Бессо подробно ответил (Эйнштейн, 1980, с. 42).

О вопросах Зелига Бессо рассказал Эйнштейну в письме от 20 февраля:

«Некий писатель — Карл Зелиг — пишет об Эйнштейне в Швейцарии; д-р Заутер сообщил ему кое-какие сведения и адресовал его ко мне <...>. Зелиг спрашивает, кто из профессоров фи-

зика: «Я уже слышал об этом „бездушном“⁷ Зелиге, занимающемся моим детским трупом» (Эйнштейн, 1980, с. 42). Но дальше Эйнштейн положительно оценивает усилия Зелига осветить именно швейцарский период его становления: «Но эта деятельность чем-то оправдана, поскольку о последующих годах бытия уже с некоторой подробностью сообщалось, а вот о швейцарском периоде ничего нет. Это может привести к неправильным выводам, ну, например, будто я родился прямо в Берлине!» (Эйнштейн, 1980, с. 42–43).

И уже серьезно подхода к поставленной задаче, Эйнштейн перечисляет важные моменты того времени, которые необходимо отразить в биографии: «Следует рассказать о том, что мы ежедневно, возвращаясь домой со службы, обсуждали научные проблемы. Нужно также упомянуть о дружбе с Морисом Соловиным (сейчас он в Париже) и с братьями Конрадом и Паулем Габихтами, с которыми я познакомился во время обучения в Шафхаузене. Пауль Габихт недавно умер. Он конструировал для меня электрофоры, используемые для статических измерений малых напряжений методом умножения. С К. Габихтом и Соловиным мы регулярно встречались по вечерам в Берне, посвящая их чтению и дискуссиям; занимались мы главным образом Д. Юмом (в достаточном хорошем немецком издании). Эти занятия оказали довольно значительное влияние на мое развитие — наряду с Пуанкаре и Махом» (Эйнштейн, 1980, с. 43).

Далее Эйнштейн отвечает на конкретные вопросы Бессо, исправляя по ходу дела его неверные представления: «А теперь твои вопросы. Против доцентуры выступал не Грюнер, а тогдашний ординарный профессор физики, некий Форстер, о некомпетентно-

сти которого среди молодых людей циркулировали злые истории (Грюнер всегда относился ко мне дружелюбно). О каком-либо профессоре анатомии в этой связи я ничего не припоминаю. Так уж часто случается, что на маленьких факультетах парочка старых хрычей (таким, как мы сейчас), держась друг за друга, всем верховодят» (Эйнштейн, 1980, с. 43).

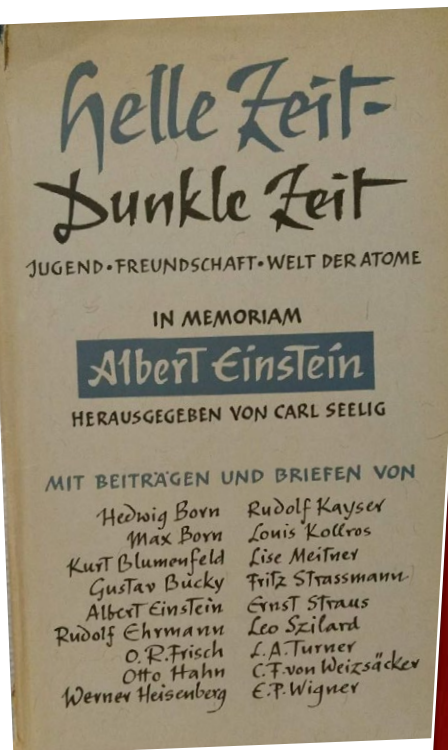
С теплотой вспоминает Эйнштейн своего научного руководителя по первой диссертации

зика в Берне выступал против назначения тебя доцентом. Это мог быть только Грюнер⁴, который, несмотря на это, стал *атенде honorable*⁵ благодаря наглядному геометрическому разъяснению специальной теории относительности (на самом-то деле это сделал Саутерс⁶).

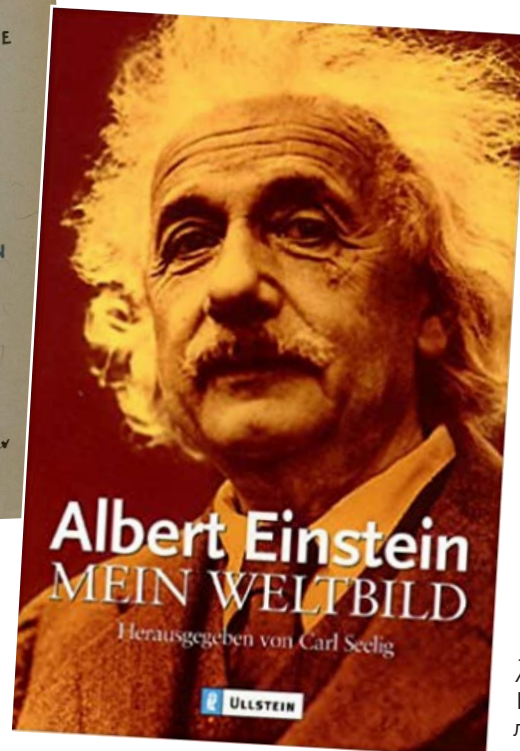
Может быть, ты помнишь, как звали профессора анатомии, который долгое время отвергал теорию относительности как нелогичную, а еще раньше выступал против твоей доцентуры? Не нашел я также и имени цюрихского университетского профессора, который забрал тебя из Берна.

А как звали учившегося вместе с нами студента, который благодаря своему прилежному и точному конспектированию лекций облегчал тебе сложности с экзаменами?» (Эйнштейн, 1980, с. 41–42).

В ответе Эйнштейна от 6 марта 1952 года явно слышен типичный швабский юмор, столь характерный для рожденного в Ульме фи-

«Светлое время — темное время». Сборник памяти Эйнштейна (1956 год)

А. Эйнштейн. Моя картина мира. Под ред. К. Зелига (1998 год)

ции, защищенной в Цюрихском университете: «Цюрихский профессор, который забрал меня тогда в Цюрих, — это профессор Клейнер (университетский физик), у которого я затем выполнил докторскую диссертацию. Он специально приехал в Берн, чтобы послушать меня — новоиспеченного приват-доцента. (Ты и Шаван были моими единственными слушателями.) А потом он справедливо заметил, что лекция моя была

не очень и хороша. Я согласился, но сказал — не без лукавства, — что они и не обязаны приглашать меня к себе. Но он всё же сделал это» (Эйнштейн, 1980, с. 43).

Не забыл Эйнштейн и своего близкого друга и однокурсника Марселя Гроссмана: «Наш сокурсник, чьи отличные конспекты для меня явились спасением на экзаменах для получения диплома, впоследствии стал преемником Фидлера в Политехникуме. Его имя Марсель Гроссман; вместе с ним я позднее работал в Цюрихе над общей теорией относительности, в те времена еще мало кому известной. Он умер еще в молодые годы из-за рассеянного склероза. Он был моим близким другом. Его отец рекомендовал меня Галлеру, с которым был дружен. Случись иначе, я оказался бы, по всей видимости, в плачевном положении» (Эйнштейн, 1980, с. 43–44).

Так что в биографии Зелига личный вклад Эйнштейна несомненен.

Нужно отметить еще один сборник статей в память об Альберте Эйнштейна, изданный в 1956 году под редакцией Карла Зелига в его издательстве Europa Verlag: это книга «Светлое время — темное время» (Seelig, 1956). Сборник содержит ценные воспоминания, документы, письма современников, знакомых, друзей великого физика, скончавшегося за год до выхода книги в свет. Особенно важными мне показались воспоминания однокурсника Эйнштейна по цюрихскому Политехникуму Луи Коллроса (Louis Kollros), рассказывающие о студенчестве Альберта.

Биографии Эйнштейна, составленные Карлом Зелигом, получили высокие оценки специалистов. Так, Бенеш Хоффман и Элен Дюкас называют Зелига «одним из самых значительных биографов Эйнштейна» (Хоффман и Дюкас, 1983, с. 14). Академик Виталий Лазаревич Гинзбург считал сокращенный перевод с немецкого книги Карла Зелига «Эйнштейн» (Зелиг, 1964) «лучшей известной нам биографией Эйнштейна, изданной на русском языке» (Гинзбург, 2014, с. 132).

Продолжение следует

Einstein Albert. 1987. *The collected papers of Albert Einstein. Volume 1: The Early Years, 1879–1902.* Princeton: Princeton University Press, 1987.

Frank Philipp. 1979. *Einstein. Sein Leben und seine Zeit.* Braunschweig/Wiesbaden: Friedr. Vieweg & Sohn, 1979.

Reiser Anton. 1930. *Albert Einstein. A Biographical Portret.* New York: Albert and Charles Boni, Inc., 1930.

Seelig Carl (Hrsg.). 1956. *Helle Zeit — Dunkle Zeit.* Zürich-Stuttgart-Wien: Europa Verlag, 1956.

Seelig Carl. 1952. *Albert Einstein und die Schweiz.* Zürich, Stuttgart, Wienn: Europa-Verlag, 1952.

Seelig Carl. 1952a. *Albert Einstein. Eine dokumentarische Biographie.* Zürich: Europe Verlag, 1952.

Seelig Carl. 1960. *Albert Einstein. Leben und Werk eines Genies unserer Zeit.* Zürich: Europa Verlag, 1960.

Weinstein Galina. 2017. *Einstein's Pathway to the Special Theory of Relativity (2nd Edition).* Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2017.

Гинзбург Виталий Лазаревич. 2014. *О теории относительности.* Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Зелиг Карл. 1964. *Альберт Эйнштейн.* Сокр. перевод с немецкого. М.: Атомиздат, 1964.

Пайс Абрахам. 1989. *Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна.* М.: Наука, гл. ред. физ.-мат. лит., 1989.

Хофман Б. и Дюкас Э. 1983. *Альберт Эйнштейн: творец и бунтарь.* М.: Прогресс, 1983.

Эйнштейн Альберт. 1967. Письма к Морису Соловину // *Собрание научных трудов в четырех томах.* Т. IV, с. 547–576. М.: Наука, 1967.

Эйнштейн Альберт. 1980. Переписка А. Эйнштейна и М. Бессо, 1903–1955 // У.И. Франкфурт (сост.). *Эйнштейновский сборник, 1977.* С. 5–112. М.: Наука, 1980.

«Сенсация! Новый гений родился, какой-то Солженицын»

Свидетельства современников об «Одном дне Ивана Денисовича». К 60-летию выхода в свет. Часть 3

Геннадий Кузовкин, историк, исследователь инакомыслия в СССР (Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал»)

Геннадий Кузовкин

Напомним, что в первой части¹ нашей публикации вниманию читателей были предложены дневниковые записи, запечатлевшие самое начало долгого пути «Одного дня» к публикации (ноябрь-декабрь 1961 года), во второй² — триумфальный выход в свет (ноябрь 1962-го). Уже 2 и 15 декабря 1962-го были сданы в набор в отдельные издания рассказа (общий тираж 800 000 экземпляров).

В этом материале собраны записи, сделанные в первую неделю декабря 1962 года. Записи от 30 ноября и 31 декабря, обрамляющие текст, принадлежат писателю Кириллу Успенскому — он был политзаключенным послесталинских времен и вел свой дневник в мордовских лагерях.

Главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский в начале декабря делал заметки в Пицунде. Он отправился на отдых, чувствуя себя победителем. Тон записей Лидии Чуковской совсем не умиротворенный. Она с недоверием следила за хрущевскими виражами в политике и тревожилась за судьбу Солженицына. О месте дебютанта в отечественной культуре размышлял Давид Самойлов.

Новичков в нашей выборке двое: молодые мужчины, аспиранты. Один изучал филологию в Москве, другой — архитектуру в Ленинграде. Оба не чужды литературе: филолог Ромэн Назиров писал прозу (при его жизни не публиковалась), а ленинградец Геннадий Алексеев — стихи (в 1962-м ему даже удалось опубликовать стихотворение в сборнике молодых поэтов, но печататься как поэт он начал в конце 1960-х). В известных биографиях Алексеева нет сведений о том, что его родителей затронули репрессии. Отец Ромэна Назирова был расстрелян в 1938-м, а мать приговорена к двум годам ссылки.

Все дневниковые записи можно найти на замечательном ресурсе «Прожито»³.

Кирилл Успенский

30 ноября. Бандероль¹ с сигаретами² от WA³, завернутая в «Пр[авду]» от 23, и «ЛГ» от 22.11 — уж одно это свидетельствует о том, как «там» реагируют на Солженицына. Опти получил от сестры сообщение, что журнал достали, читают — «все очень страшно», — и что она надеется, что «сейчас не так страшно». Конечно, не «так», но, сажая в ШИЗО, которое принципиально не отапливается /раз в три дня/ с эзка снимают всю верхнюю одежду. «Не так», но с еще большей яростью ограничивают переписку, бандероли. «Наш» л/п⁴, вероятно, самый либеральный, и поэтому легко представить, что делается на др.

Ромэн Назиров (1934–2004), литературовед, в 1962-м — аспирант филологического факультета МГУ

1 декабря. Суббота. Сенсация! Новый гений родился, какой-то Солженицын. В 11-м номере «Нового мира» напечатана новая повесть — «Один день Ивана Денисовича» (в рукописи она называлась «Один день одного эзка»). Громадный успех, очереди в библиотеках. Говорят, Твардовскому стоило труда «пробить» ее. Иуда Ермилов моментально отозвался: сравнил Солженицына со Львом Толстым! говорят, очень хорошо написано, я еще не читал. Солженицын сам провел что-то десять лет в заключении при Сталине. Действие повести происходит как будто в 1951 году.

На сенсацию уже отозвалась зарубежная пресса. «Унита» за среду 28 ноября поместила статью Аугусто Панкальди (с пометкой «Mosca, 26»):

Кирилл Успенский

«Un coraggioso squarcio d'una dura realta». Она начинается так: «Жизнь в трудовом лагере в Сибири в эпоху Сталина рассказана в первый раз советским гражданином человеком, который непосредственно видел ее, человеком, который со вчерашнего дня стал известен в мире литературы и которому удалось совершить редкий „exploit“ (подвиг) — создать литературное полноценное произведение и открыть иное окно истины на пейзаж, который не был еще описан». Далее Панкальди называет повесть «la rivelazione dell'anno» — сенсацией года.

Давид Самойлов

2 декабря. Утром переводил. Навестил Анну Андреевну. Она хвораёт. Были Кома и Таня Ивановы. Хороший, ясный разговор хороших людей, с которыми думаешь одинаково и ни о чем не надо договариваться. Говорили о Солженицыне, который А. А. сильно нравится.

А. А. читала стихи удивительные («Реквием» — вступление и еще несколько). Опять предстоит суетная трудная неделя. Выступать мне хватит! Это уже вредно. После «Дня поэзии» баста!

Лидия Чуковская

2 декабря. Анна Андреевна звонила с утра и звала к себе днем, но днем я ездила навещать тяжело хворающего Самуила Яковлевича, засиделась возле него и к ней поспела только вечером.

На кушетке раскрыта постель. Анна Андреевна в кресле.

— Всю жизнь пролежала, — пожав мне руку, сказала она с досадой. — А теперь устаю от лежания.

Почти весь вечер была она раздраженная, недобрая. Думаю, она и сидеть устает. Попро-

сила Нику дать мне прочесть корректуру стихов в «Знамени». Но на каждое мое корректорское замечание сердилась. Например, очень рассердилась, когда я сказала ей, что слово «зюйд-вест» (в строке: «Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест?») — пишется через и краткое. Она сердито настаивала: «зюйд», а не «зюйд». В конце концов согласилась, но очень была недовольна. Потом я сказала ей, что вспомнила нынче еще четыре ее строки (правда, вторую с дырками), и спросила, записаны ли они у нее?

И вовсе я не пророчица,
Жизнь / _ / _ как ручей,
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.

Она обрадовалась было, схватила маленький узкий блокнотик и начала записывать. Но тут же прекнула меня, зачем это я не целиком вспомнила вторую строку?

— Но дальше, дальше? — спрашивала она, глядя на меня снизу сердито и не выпуская блокнот из рук. Я уверяла: дальше ничего не было, последние две строки заключительные.

— Нет, дальше, дальше! — требовала она. — Вы позабыли.

Ей, конечно, виднее. Но мне она прочла тогда только эти четыре! Конечно, я виновата: забыла вторую.

Весь вечер она не расставалась с блокнотиком, вглядывалась во вновь записанные строки, пытаясь и во время разговора восстановить утраченное.

Разговор зашел о Солженицыне, и она оживилась. Он опять побывал. Она спросила его, не собирается ли он переезжать в Москву? Он ответил, что расстаться с Рязанью ему трудно, вато: «на моем попечении несколько старушек».

— Он как будто стал темнее, — сказала Анна Андреевна. — Какая-то тень на лице.

Подобрев, она начала утешать меня в моих неудачах с «Софьей», хотя я и не жаловалась. По ее словам, она дает всем читать мою рукопись и вокруг «восторг и слезы».

Давид Самойлов

Лидия Чуковская

Я сказала ей, что самое время печатать «Реквием». Я спросила, нет ли из «Знамени» ответа насчет «Поэмы»? — Нет, — сказала Анна Андреевна. — Что бы это могло значить? Я думаю, инструкция об отмене ждановщины еще не дошла до них.

До «Знамени» не дошла?! Я молча подивилась такой наивности в ее устах. Ведь человек она весьма не наивный. Как это не дошла? Васильев и Кожевников — одного поля ягода. Если Хрущёв произнес, и если Васильев знает, то уж наверняка знает и его соратник Кожевников и вообще все, кому ведать надлежит.

Провожая меня в переднюю, Анна Андреевна сказала:

— Да, с «Поэмой» что-то неспроста.

В Никитинском восьмизаточном доме я люблю спускаться по лестнице. Подниматься, когда лифт испорчен, — смерть, а вниз — люблю. Из каждого окошка далеко видно сплетение городских огней. Все дома ниже этого — и сколько огней, и какие узоры огней под и над крышами! Глядя на эти узоры, я думала обо всем сразу: о болезни Анны Андреевны, о Солженицыне — какой он? увижу ли его когда-нибудь? о «Реквиеме», о «Поэме». О «Софье» не думала, и не от боли, а потому, что в моей жизни никогда и ни в чем не бывало удач, «я и без зайца знал, что будет плохо», как говорит один помещик у Чехова. Я привыкла, да и о чем же тут думать? Опять плохо, снова плохо; и неправда! не плохо вовсе, раз вырвался на волю «Один день Ивана Денисовича», и, дай Бог, «Реквием» вырвется скоро. Ведь это всё о Мите. И какими голосами! Хорошо, а не плохо... Вот с «Поэмой» хотелось бы разгадать, что творится. Я села на подоконник и, глядя на огни, перечла первую часть и «Решку». Я думаю, что с ждановщиной в самом деле велено не считаться, то есть печатать Ахматову разрешено (вот и печатают стихи во многих местах), но «Поэма» сама по себе, безо всякого Жданова ставит их в тупик. Лагерь они там, к счастью, не чувствуют, но какую-то крамолу чувствуют. Может быть, опасаются, что там где-то упрятан Гумилев? Под чьей-то Маской?

И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?

.....
Прочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен, —
а они смерть не любят, когда им не понять. А, быть может, догадываются, что речь в «Поэме» идет о победе над ними? О победе поэта?

Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

Это им не 7-е Ноября и не 1-е Мая.
Это какое-то другое торжество.
Как же позволить
ему восторжествовать?

Геннадий Алексеев (1932–1987), поэт, художник, в 1962-м — аспирант Ленинградского инженерно-строительного института

3.12. Бесцельные, безалаберные дни в Москве. Все говорят о Солженицыне. В Гослите видел обложку отдельного издания его повести. Левушка и Коля В. рассказывали о лагерной жизни. Они хохотали, а мне было страшно. Наташа уговаривала меня послать «Жар-птицу» Твардовскому.

Правлю корректуру «Собрания редкостей».

Александр Твардовский

Александр Твардовский

4 декабря. Пицунда. Сидю за столом перед балконной дверью (стеклянной), под самым балконом, за небольшими сосенками (большие и старые с других сторон дома, одна сбоку свесила свои старые, унизанные старыми, прошлогодними шишками лапы).

Море! С утра оно было недвижно и гладко, а сейчас уже поталкивает, пошлепывает в отлогий гальковый берег, набивая белую крошку.

Сегодня серый, но без дождя, а вчера был солнечный день всё, как в нашей ранней осени. После московской зимней гололедицы и зимней дороги почти до Ростова — это как если бы оказалось, что мне еще и сорока нет.

Настроение доброе — после прочтения Маше сегодня всего (с коктейльными вставками) машинописного «Т-ёркина» на «том» св-ете». Вещь, в сущности, написана, доделки и доведения внутренние, хоть немаловажные. Нужно только сделать всё без спешки, с полной отдачей себя делу.

А там будь что будет, дальше тянуть нечего и незачем (?). Сколько же, однако, я добирался до этого стола, покинув кокетельский. Месяцы эти были заполнены главным образом Солженицыным, журналом, Америкой, всякой всячиной. Наконец билеты взяты (уже приказ Воронкова [об отпуске]), последнее предотъездное посещение редакции, обзванивания кого следует, на душе хорошее чувство «отпускника», наконец вагон, дорога, абхазское утро, напоминающее наши раннеосенние утра. Даже с грустной, тонкой хрипотцой молодых петухов (как мне больно трогала эта тонкая их хрипотца в Якутске на печальном дворе «Джурзолота»), наконец Сухуми, «оркестра не видать», но нет, спешат из другого конца поезда Чилая Серго и еще один из агитпропа ЦК КП Грузии (Шота) и 2-й секретарь Абхазского обкома Гочохая (1-й — Бгажба уже прикоснулся к рюмочке, ожидая нас на поплавке-ресторане).

Нет, не вдум, добираться еще до рабочего места. Выпито-закушено — едем двумя машинами живописной дорогой (сверху и вдали от «железной» д-ороги), которой только что ехали в Сухуми), в Гагре — райначальство подключается с третьей машиной, — оно тоже хочет выпить-закусить по столь важной причине, как мое прибытие в Абхазию (отмеченное сегодня фотографией с «тостовым» текстом в «Советской» Абхазии»), что происходит в столовой около этой виллы, где мы размещены во втором этаже.

Дом новый, самим Мжаванадзе еще не обжитый, ультрамодернистский, с излившемся светом и всяческих пустот от холла внизу до холла вверх, с роскошной передней, еще не заставленной лестницей, с балконами, соляриями (плоская кровля — хоть футбол гоняй) и наружными и внутренними лестничными изгибами. Санузел совмещенный, в ванне и умывальнике «хол. и гор.», но возле стульчака — ведро (не беда!) Спальня от кабинета отделена портьерой почти во всю ширину, т. е. от одного выступа стены до другого. Могло быть и лучше, но не беда, не беда. Надо же, как говорил Т. Манн, иметь

какие-то терпимые недостатки рабочего месторасположения, а то и работать нельзя. И то уж: дача первого секретаря ЦК Грузии, соседи — через один пустой участок в этой реликтной (реликтовой?) сосновой роще — Хрущёв, дальше — Микоян.

По приморской стороне от шоссе — только, кажется, и дач, что эти, а по ту сторону — невнятные двухэтажные дачи министерского типа, но и общечеловеческие

Геннадий Алексеев

¹ trv-science.ru/2022/12/neuzheli-eto-budet-pechatatsya

² trv-science.ru/2022/12/kuzovkin-solzhenitsyn-2

³ prozhito.org

⁴ Лагерный пункт - отдельная зона в составе лагеря. — Г.К.

► домишки с оградкой-штaketником разной кривизны (наколот вручную из дуба, а то и из всяких железяк, проволоки и т. п.). Безлюдье, полное отсутствие курортников, много больших свиней явно личного выращивания (это под боком-то у кого!).

— Ум-то у тебя мой? Мой. А что б ты был, если б я тебе своего ума не дал. — Это Трифон Гордеевич, бывало, говорил, как если бы речь шла о передаче по наследству движимого или недвижимого имущества, денег, «секрета» производства и т. п.

Смех при чтении художественного происходит не обязательно от намеченного автором какого-то комического, нарочито смешного момента, ситуации. Смех бывает и просто от восторга перед верностью того единственного слова, которое точно само выросло на этом месте, и пересадить его на другое место так же сложно и даже невозможно без «материнской земли», как дерево или цветок, — от радостного изумления, от счастья, как будто сам нашел это единственное слово, фразу, положение, реплику.

Кочетов не может меня заставить улыбнуться по его воле, не может, тем более, и растрогать, вызвать слезы, как ни старайся он об этом.

Лидия Чуковская

5 декабря. То есть не бабушка, а Хрущёв. А может быть, он этого вовсе и не говорил, а Твардовский просто принял желаемое за действительное?

Сегодня я, по просьбе Лёли Златовой, принесла ей Солж.²⁵, полученного мною от друзей, и она, среди целого вороха слухов: кто отвечал Хрущёву в Манеже, есть ли основания ожидать разгрома не только живописи, рисунка, скульптуры, но и литературы, сообщила:

— Из № 12 «Нового мира» вырезаны цензурой воспоминания Каверина о Зощенко, где Каверин весьма прозрачно осуждает ждановщину.

Ах, вот как! Сталинщина отменена, а ждановщина в силе! Не успеешь обрадоваться «светлому лучу в темном царстве», как снова погружаешься в привычный мрак.

...А вдруг и Солженицына вторую вещь не напечатают? Мне она полюбилась более первой. Та ошеломляет смелостью, потрясает материалом — ну, конечно, и литературным мастерством; а «Матрёна»... тут уже виден великий художник, человечный, возвращающий нам родной язык, любящий Россию, как Блоком сказано, смертельно оскорбленной любовью.

Недаром славит каждый род

Смертельно оскорбленный гений.

Вот и сбывается пророческая клятва Ахматовой:

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

Сохранил — возродил — з/к Солженицын.

Давид Самойлов

7 декабря. Днем бродили по городу с Войтеком. Он собирает коллекцию петухов. Обедали у меня. Читали Гатчинского. Вечером на спектакле «Воскресение Христа». Очень интересно. Семён превосходен. Публика приняла холодно.

После спектакля у меня — Пеца. Потом Саша Володин. Войтек говорит. Ружевиц создал новый польский стих — стих твердый.

Солженицын — важное явление литературы. К политике он отношения не имеет. В нем важна художественная концепция, необычайно современная. Государство отвратительно и бесчеловечно, но человек всегда остается человеком. Самое важное — достоинство. Не люди те, кто подлизывает миски. Человек счастлив лишь «в себе».

Кирилл Успенский

31 декабря. Позавчера вдруг глупо и непонятно как сломал свою отличную китайскую авторучку. Ужасно обидно, не знаю, удастся ли склеить и насколько удачно.

Залпом, хоть и в два приема, проглотил Солженицына. Перед этим треволнения — замполит еще месяца 1,5 назад потребовал, чтобы № 11 «Нового мира», если когда-либо поступит, был немедленно передан ему. После того, как изымаются все иностранные, даже комм. издания, можно было ожидать всего, хотя и казалось и маловероятным. Но — «не положено» — и взятки гладки ... Однако, Пл., едва листнув номер, вернул его владельцу.

Ощущение сложное. Много вполне естественных мыслей, ассоциаций. Главное — вещь, безусловно, до самых глубин, до последней строки, абсолютно правдива. Ни единой фальшивой нотки, никакого вранья, одна чистая правда. Но... увы, еще не вся правда, не до самого конца...

И всё же очень волнует, хотя и раздражает старомодной, русопятской манерой «Инда взопрела земляника...» При первом чтении манера эта просто мешает... Вравили меня в обсуждение 2-й части «Поднятой целины». Вещь просто слабая, нудная, часто безвкусная.

Солженицына надо будет «проскочить» по второму разу /кстати, для словаря/. И еще кстати, читаешь эту вещь и думаешь: Господи, но если об этом пишут /и публикуют/, то как же может быть вот всё то, что меня окружает. Мыслимо ли, совместимо ли это? Нет этого голода, нет такого открытого зверства /кроме, м. б. кандея, где всё так же, как и в те времена/, человечнее отношения с чекистами, /далеко не со всеми и далеко не в каждом лагере, но в остальном-то почти то же, не говоря о том, что и посейчас сидят сотни ни в чем не повинных. ◆

⁵ Так Чуковская обозначила вторую вещь Солженицына, о которой говорится далее. — Г.К.

«Дайте нам лабораторию — и мы перевернем мир!»

Альберт Ефимов, канд. филос. наук

Альберт Ефимов. Фото: Н. Малахин, РАН

Ричард Фейнман метко заметил, что физика подобна сексу: она может приносить плоды, но занимаемся мы ей не поэтому. Физикой и другими науками мы занимаемся уже третье тысячелетие, если считать от Гераклита. Но что же можно отнести к плодам науки? Один из героев братьев Стругацких считал, что плоды науки — это счастье человеческое. Но не слишком ли это абстрактно? Да и какое оно, счастье одного человека, не говоря уж обо всех нас? О плодах науки уместно говорить всегда. Я вижу три из них, о которых важно напомнить в День российской науки.

Во-первых, наука создает для страны возможности, которые нельзя быстро воспроизвести. СССР на старте космической гонки обогнал США, да так, что девизом самых передовых американских исследователей стало «никаких больше стратегических сюрпризов». Полет продолжается, и страна, которая может поставить в точке Лагранжа между Солнцем и Землей астрономический инструмент, вглядывающийся во Вселенную на миллиарды световых лет (а именно таков российский телескоп «Спектр-РГ»), вправе называть себя великой научно-технической державой. Фундаментальные исследования, как правило, не создают непосредственного экономического эффекта и не сказываются напрямую ни на обороноспособности страны, ни на качестве жизни ее граждан. Однако именно передовые научные позиции — важная составляющая того, что делает страну достойной защиты и дает гражданам ощущение гордости за державу. Это наука «полезной бесполезности», в идеалах которой верили Бор и Эйнштейн, Капица и Ландау. Этой науке служат и лауреаты Научной премии Сбербанка: Юрий Оганесян, синтезировавший больше сверхтяжелых химических элементов, чем кто-либо еще; Александр Габибов, открывший каталитическую функцию иммуноглобулинов в природе; Александр Холево, заложивший основы квантовой информатики будущего.

Вторым важным плодом науки являются технологии. Благодаря азартному желанию государств и частных компаний получать от науки непосредственную пользу, технаука, производящая технологии, купается в лучах славы и денег. Благодаря такой науке у нас появились полупроводники, лазеры и редактирование генома. Ученые исследуют то, что важно для всего человечества. Примером является пастеризация, названная в честь Луи Пастера. Технологии не всегда рождаются немедленно. Универсальная машина Тьюринга 90 лет назад была математической абстракцией, но благодаря эволюции электроники теперь она в каждом компьютере мира.

И последний, третий плод науки. Всегда было и будет сообщество людей, которые меньше ценят личную выгоду и больше всего на свете хотят познать выходящее за границы повседневных, бытовых интересов. Это нужно им для того, чтобы максимально выразить себя. Как писал фантаст Владимир Савченко, из этого стремления «у писателей получаются хорошие книги, у художников — картины, у композиторов — симфонии». От этого стремления рождаются инженеры-художники, исследователи-творцы. Такие люди всегда будут искать истину и создавать удивительные вещи вне зависимости от того, хочет этого начальство, общество или государство. Строго говоря, сообщество таких людей является как плодом науки, так и ее первоисточником. Эти люди передают знания следующему поколению, преадаптируя молодых к непредсказуемому будущему. Но для науки, как для любви, нужны двое — человек и Тайна Природы, которую он открывает.

Эти три плода науки — выход за пределы возможного, технологии, улучшающие нашу жизнь и сообщество людей, которое, по выражению Даниила Гранина, «не от мира сего, но для мира сего»; они были с нами с тех пор, как появилась сама Наука. Однако сейчас появляется что-то новое, важное и пока еще слабо изученное — я называю это Лабораторией. Конечно, кабинеты лабораторий ученых в больших университетах, в которых совершались открытия, были и будут. Но сейчас понятие «лаборатории» становится чем-то большим и выходит далеко за рамки утилитарного понятия «лаборатория» — как кабинета или организационной структуры. Это исследовательские центры нового типа.

Изображение, сгенерированное нейросетью Midjourney

Такие лаборатории появляются теперь не только в академиях и университетах, но и в коммерческих организациях. Руководители понимают, что только технологические инновации могут создавать долгосрочное конкурентное преимущество. Дихотомия между фундаментальной наукой и технаукой уходит в прошлое. Нам не поможет суперапп¹, когда прилетит астероид, мутирует очередной вирус или будет создан квантовый компьютер. Поэтому цель любой лаборатории и, обобщая, национального технологического развития — синтезировать новый *modus operandi*: оставаясь в поле важных для фундаментальной науки вопросов, находить практические решения для жизни людей.

Во главе таких лабораторий стоят лидеры новой формации, осознающие важность умения использовать возможности и ресурсы окружения. Исследовательские процессы выходят далеко за границы лабораторий. Важнее всего становится ускорение цикла «от науки до внедрения» за счет выстраивания научно-исследовательских сетей и долгосрочных коопераций. Роль человека, лидера лаборатории, возрастает еще больше. Он становится дизайнером сетей исследователей, инвесторов и заказчиков: организуя работу, приоритезируя инициативы и привлекая внешние и внутренние ресурсы, устраняя информационные и административные барьеры. По сути, команда современной лаборатории всегда примерно вдесятеро больше, чем ее штат. Но основа лаборатории остается прежней — ученый-исследователь-инженер, который формирует вокруг себя сеть из талантов, решающих любые проблемы.

С чем предстоит вскоре столкнуться исследователям лабораториям, работающим на стыке «человеческого» и «цифрового»? Современные компьютеры всегда действуют с оглядкой. Все их рекомендации и модели — это всегда зеркало заднего вида. Передовые же лаборатории всегда

работают на границе познания, глядят в будущее науки, человека и общества. Известный афоризм Ларри Теслера утверждает: искусственный интеллект — это то, что еще не создано. Сегодня мы приближаемся к почти полному воспроизводству когнитивных навыков человека в области вербально-взаимодействия в виртуальном мире — ассистенты и голосовые помощники скоро смогут дать ясный и правильный ответ на любой вопрос. Создатели ChatGPT открыто говорят, что они в шаге от создания Общего искусственного интеллекта. В метавселенных мы будем встречаться с виртуальными людьми, которые смогут имитировать эмоции и вести невербальное общение так же хорошо, как мы делаем это в наших телеконференциях. Всё, что может быть сгенерировано ИИ, будет сгенерировано ИИ. Каким может быть следующий шаг? Я считаю, что это будет переход от виртуального взаимодействия к взаимодействию реальному, физическому, связывающему искусственный интеллект, имеющий реальное воплощение, и человека. Эту задачу не решить путем быстрого натиска — слишком много неизвестных и слишком много рисков. Но нет никаких сомнений, что она будет решена в одной из лабораторий нового типа людьми, которых ничто не остановит в открытии новых способов сделать лучше жизнь всего человечества. Но нельзя забывать о рисках для инженеров и исследователей: мы в ответе за созданных нами роботов. Об этом нас предупреждают Роберт Опенгеймер и Андрей Сахаров. Каждая технология должна иметь встроенную в нее условную «красную стоп-кнопку».

Природа всё еще полна тайн, а мир, сложный и нестабильный, ждет смелых и дерзких, готовых идти до конца «ради всего человечества», превращая микромир небольшого коллектива в мегапродукт для всех. Об этом писал Бруно Латур, цитату которого я вынес в заголовок: «Дайте нам лабораторию — и мы перевернем мир». Поэтому что если не думать о своих роботах, то чужие роботы начинают «думать» о нас.

Автор выражает личное мнение, которое может не совпадать с позицией редакции.

¹ SuperApp — многофункциональные суперприложения, служащие общей платформой и обеспечивающие масштабирование входящих в них более мелких продуктов — мини-аппов. — Прим. ред.

Гамлет из Арканара

Владимир Борисов

Владимир Борисов

Ничто не предвещало изменения погоды. Они были молоды и полны задора; в стране, казалось, действительно «жить стало веселее»; читатели тепло принимали каждую новую их книжку¹... Поэтому ничего удивительного не было в том, что писатели задумали написать веселую авантюрную историю с приключениями и хохмами, с мушкетерами и пиратами. Поселить на другой планете наблюдателя Земли, пусть он «снимает квартиру у г-на Бонасье и занимается тасканием по городу, толканием в прихожих у вельмож, выпитием в кабаках, деретса на шпагах (но никого не убивает, за ним даже слава такая пошла), бегает за бабами и пр.». Так писал Аркадий Стругацкий брату Борису в марте 1963 года, начиная обсуждение сюжета новой повести «Седьмое небо».

¹ См. также: Борисов В. Странные лепестки с необозримых материков непознанного // ТрВ-Наука № 370 от 24.01.2023. trv-science.ru/2023/01/strannye-lepestki-s-neobozrimykh-materikov-nepoznannogo/

А погода вдруг начала портиться. Началось вроде бы с пустяков, с критических замечаний о «мазне» художников-абстракционистов, и буквально за пару месяцев разверзлись такие хляби небесные, что впору было предположить: уж не закрутилась ли киноплёнка жизни в обратную сторону? Методы борьбы с формализмом (и прочими «измами» в литературе и искусстве) были отработаны еще в 1930-х годах, и динозавры пролеткульта и соцреализма с удовольствием продемонстрировали их на молодых «зарвавшихся» мастерах пера, кисти и резца. После совещания секции научно-фантастической и приключенческой литературы 26 марта 1963 года в Москве, на которой Александр Казанцев врезал по «абстракционисту в литературе» Генриху Альтову, осмелившемуся «выступить против постулата скорости света Эйнштейна», а значит, по мнению маститого автора, играющего тем самым на руку фашизму (бульдозерная логика в действии!), Аркадия Стругацкого, ранее рато-

вавшего за «повесть без современных проблем в голом виде», уже не пришлось убеждать в том, что в башне из слоновой кости не отсидеться.

Это время стало для братьев Стругацких временем мучительного осознания истин, которые теперь, с расстояния пройденных лет, кажутся простыми и ясными, но вовсе не были очевидными тогда. Им стало понятно, что не стоит строить иллюзий относительно устремлений властных структур, что смысл, который вкладывали в понятие коммунизма сами писатели (свободный мир творческих людей), разительно отличается от того, что под этим подразумевают идеологи, для которых коммунизм хорош тем, что при нем народ дружно выполняет любое постановление партии и правительства, а шаг в сторону по-прежнему считается побегом.

Стало ясно также, что показателем свободы в обществе является отношение власти к творческой интеллигенции. В польском литературоведении мне встретилась интересная метафора. Там при описании времен соцреализма власть принято называть «меценатом». И действительно, в те времена щедрая поддержка оказывалась тем, кто «правильно понимал политику партии и правительства». Но в отличие от обычного меценатства дело не ограничивалось только поддержкой. Тех, кто не вписывался в квадрат идеологических установок, начинали гнобить. И Стругацкие решили показать, к чему может привести такое отношение к творческому человеку. Намекнуть «лысому дураку», что неуклюжее маневрирование и потакание низменным вкусам заканчивается смещением правителя. Намек не был услышан. И прогноз блистательно исполнился смещением Хрущёва со всех занимаемых постов в октябре 1964-го. (История ничему не учит, и через четверть века сценарий повторится, а Горбачёв пойдёт по стопам «кукурузника».)

Но это будет потом, а пока Стругацкие оперативно разрабатывают план «Наблюдателя» (бывшее «Седьмое небо») и приступают к его реализации. Работают споро: в апреле — план, а в июне 1963-го уже написан первый вариант повести, к тому времени еще раз изменившей название. Журнал «Москва» отказался печатать повесть, снисходительно объяснив авторам, что фантастику не публикует, зато на удивление легким был ее путь в издательстве «Молодая гвардия», обеспеченный, впрочем, умелой политикой за-

мечательного редактора Бели Григорьевны Ключевой. И вот 25 мая 1964 года сборник Стругацких, включающий новую повесть «Трудно быть богом», был подписан в печать.

Хорошо помню, сколь мучительным было мое первое знакомство с этой книгой. Навестив Сашу Лукашина, гостившего в нашей деревне, я увидел, что он увлеченно читает какую-то книжку, повизгивая от восторга. Показав на минуту обложку, он более уже не обращал на меня внимания, и мне пришлось пару часов ходить вокруг него кругами в ожидании своей очереди на чтение. Зато потом я был вознагражден...

Мы были не одиноки. Повесть моментально завоевала признание широких читательских кругов. По результатам анкетирования, которое проводил Клуб любителей фантастики МГУ в 1967 году, повесть «Трудно быть богом» уверенно заняла первое место во всех группах (опрашивались школьники, студенты, критики и журналисты, писатели-фантасты, научная интеллигенция; всего 1400 человек). Каждый находил в ней свои прелести: увлекательный сюжет, приключения, антиутопические выпады, стиливые и языковые находки. В среде фэнов многочисленные обороты и выражения («почему бы благородному дону...», «хвостом ты по голове!» и т. п.) повести надолго стали своеобразным ключом-паролем для определения «свой-чужой»: достаточно было произнести или распознать такую фразу, чтобы обрести незримую симпатию собеседника. Даже сейчас, спустя почти шестьдесят лет после выхода, ключевые проблемы повести вызывают споры и дискуссии...

Замечу также, что «Трудно быть богом» переведена на 26 языков, это одно из самых известных за рубежом произведений отечественной фантастики, по количеству переизданий в других странах уступающее лишь другой книге Стругацких — «Пикнику на обочине». Правда, нужно сказать, что в переводах довольно часто встречаются искажения смысла, сокращения, упрощения...

Однако далеко не все встретили «Трудно быть богом» восторженно. Господствующая тогда в Советском Союзе идеологическая система не могла не обнаружить в повестистораживающие отклонения от генеральной линии партии и соответственно отреагировала на это. В программной статье видного представителя фантастики «ближнего прицела» Владимира Немцова «Для кого пишут фантасты?», опубликованной в газете «Известия», Стругацкие обвинялись в том, что повесть направлена против интернациональной помощи «отсталым народам», в использовании «тарбарского языка», в описании «пьяных оргий и сомнительных походов». В защиту писателей выступил Иван Ефремов, назвавший доводы Немцова «нелепейшими обвинениями». Видимо, ряд писем с поддержкой позиции Стругацких тогда не пробился на страницы прессы (лишь много позже было опубликовано письмо известной переводчицы Норы Гальтех лет, убедительно доказывавшей уместность и оригинальность стиливых находок писателей, о которых столь неслестно отзывался Немцов).

Был нанесен удар и из калибра покрунее. Академик Юрий Францев в тех же «Известиях» разразился статьей, в которой высказывал недоумение, как же это можно столь произвольно обращаться с намертво закрепленными марксистско-ленинским учением понятиями. Разве позволительно в «прогрессивный» феодализм втискивать фашистских штурмовиков?

Этот метод «в стиле Бадера — очень веско и на полметра мимо» активно применялся и в дальнейшем для нападок на книги Стругацких и других фантастов, поднимавших актуальные проблемы. Не смея высказать интуитивно ощущаемую мысль (в частности, о том, что социалистический строй по сути своей остается на практике феодальным), такие критики пытались защищать феодализм средневековый, прячась за стандартные формулировки идеологических догм.

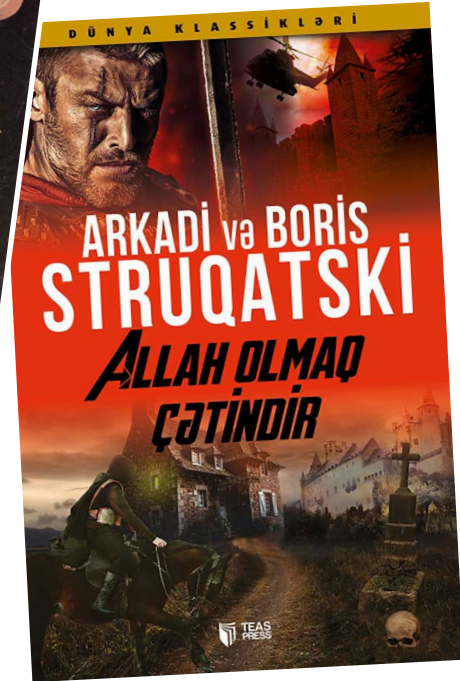
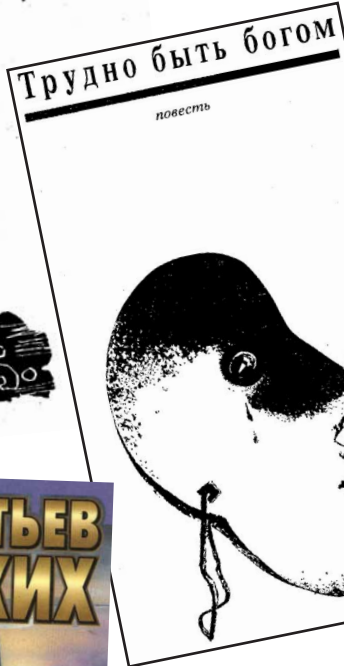
Но и среди тех, кто принял книгу, не было единства. Прежде всего разброс мнений касался трактовки финального срыва Антона-Руматы. Анатолий Бритиков считал, что Румата совершил этот поступок, «не справившись с личной ненавистью к дону Рэбе», и осуждал его. А Евгений Неёлов писал, что Румата к этому времени перестал быть «богом», «коммунаром», он стал арканарцем и разделил судьбу Арканара, а потому и не мог поступить иначе. Кто из них прав? На самом деле суть вопроса упрятана совсем в другом. Если считать «Трудно быть богом» продолжением утопии о Полудне XXII века, то следует согласиться с правильностью Теории Бескровного Воздействия, принятой сотрудниками Института экспериментальной истории, а значит, согласиться с тем, что «жизнь истории мелют медленно», что никакие попытки с налета изменить ход истории Арканара не имеют смысла и ничего, кроме осуждения, срыв Антона-Руматы вызвать не может. Но соответствует ли это авторскому замыслу? Мне представляется, что «Трудно быть богом» свидетельствует о том, что авторы уже расстались с иллюзиями об утопии коммунистического будущего, и многочисленные намеки в тексте должны подсказать читателю, что сказочка об Арканаре имеет несомненное отношение к нашей современности и нашему недавнему прошлому.

Любопытное исследование проделал в дипломной студенческой работе Константин Рублёв, внимательно исследовав мир Арканара. Ему удалось показать, что этот мир не может в чистом виде соответствовать какой-либо земной исторической эпохе, что на самом деле это мастерски составленная мозаика из самых разных времен и пространств Земли, т. е. условный фон, смоделированный специально для решения писательской задачи. Получается, что претензии к авторам в связи с нарушениями догматических законов развития общества бессмысленны, ибо по большому счету «Трудно быть богом» с литературной точки зрения представляет собой притчу... (Много позже, в 1995-м, Ник Перумов, исходя примерно из таких же позиций, в статье, посвященной фэнтези, скажет, что повесть «Трудно быть богом» можно рассматривать как произведение фэнтези, а не научной фантастики).

Не остались в стороне и собраты по перу. Одним из первых оттолкнулся от темы повести Исай Давыдов: «У Стругацких главный герой, Румата, пошел в конце концов рубить эти дикие головы. Но он не имел права этого делать! Книга „Я вернусь через тысячу лет“ создавалась как протест против такого решения проблем». Позже, в 1980-х, с подобным «протестом» напишет свою «Кошку в светлой комнате» Александр Бушков. А вот Ольга Ларионова на вопрос, можно ли рассматривать ее роман «Формула контакта» как спор с «Трудно быть богом», ответила: «Нет, нет. Просто родилась встречная мысль. Искусство породило искусство».

И уж совершенно неожиданным, я бы сказал, побочным «порождением» оказались многочисленные (на сегодня — более ста) сочинения сонаета Цурэна, из которого Стругацкие в повести процитировали только одну строчку: «Как лист увядший падает на душу...». Этот «Венок Цурэна» постоянно пополняется и вполне достоин самостоятельного прочтения...

Помнится, с самой первой встречи с повестью у меня перед глазами вставали четкие, красочные картины событий в Арканаре, которые просто просились на киноэкран. Думаю, не у меня одного. Предпринимались самостоятельные инсценировки повести (Людмила Абрамова вспоминает, что сцену из «Трудно быть богом» разыгрывали малышня Никита и Аркадий Высоцкие). Поэтому нет ничего удивительного в том, что вскоре после выхода повести Борис Стругацкий и Алексей Герман сядут писать сценарий о Румате. Сценарий был благополучно написан, режиссер готовился к съемкам, но реальная история внесла свои коррективы в этот процесс. После того, как советские танки в августе 1968 года вошли в Прагу, ни о какой экранизации «Трудно быть богом» не могло быть и речи: теоретические рассуждения Руматы о невозможности активного вмешательства землян в жизнь Арканара наполнились зримыми реальными событиями...

► К этому времени братья Стругацкие уже написали несколько других произведений (и кое-что смогли опубликовать), на фоне которых «Трудно быть богом» выглядела невинной шалостью, и критика переключилась на «разоблачение» новых провинностей писателей, а повествование о Румате теперь уже

приводилось в пример того, как фантастам следовало бы писать нынче. Борис Натанович в своих «Комментариях к пройденному» добродушно вспоминает: «Идеологические шавки еще иногда потягивали на этот роман из своих подворотен, но тут подоспели у нас „Сказка о Тройке“, „Хищные вещи века“, „Улитка на склоне“ — и роман „Трудно быть богом“ на их фоне вдруг, неожиданно для авторов, сделался даже неким образцом для подражания. Стругацким уже выговаривали: что же вы, вот возьмите „Трудно быть богом“ — ведь можете же, если захотите, почему бы вам не работать и дальше в таком ключе?..» Как сказал в аналогичной ситуации Булат Окуджава: «Ну разве можно таких идеологов принимать всерьез?»

Застой 1970-х и сумятица начала 1980-х внесли некоторое успокоение в восприятие повести. Она периодически переиздавалась (впрочем, переиздания явно не поспевали за читательским спросом), вызвала споры в среде фэнов, регулярно использовалась критиками в их литературоведческих построениях, служила основой для появления новых стихов и песен (из коих можно выделить «Ведьму (сон Киры)» Раисы Абельской), но я бы не сказал, что в исследованиях тех времен появлялась какая-то благородная сумасшедшинка, новое видение проблем и сюжета повести. Думаю, прежде всего это связано было с тем, что появлялись всё новые и новые произведения братьев Стругацких, и практически каждое из них было явлением, заставлявшим иногда переосмысливать всё предыдущее, написанное ими. И «Трудно быть богом» служит связующим звеном, к примеру, к проблематике прогрессорства (не случайно Тойво Глумов в повести «Волны гасят ветер» топчет арканарскую брусчатку, а у читателей распространилось мнение о том, что именно Румата был одним из первых прогрессоров, хотя тема прогрессорства, как и сам этот термин, появились гораздо позже).

Тем не менее в Море Полудня Арканар по-прежнему оставался обособленным, хотя в некоторых вариантах авторской пьесы по мотивам повести вдруг появлялись неожиданные ниточки к другим произведениям (например, в первой редакции пьесы действие происходит на Гиганде, куда Максим (!) Литвинчѐв, будущий Румата, попадает примерно так же, как Максим Каммерер на Саракш).

Попытка «переосмысления» повести была предпринята в конце 1980-х, когда отношения между Стругацкими и издательством «Молодая гвардия» перешли на уровень военного конфликта. В. Жарков в послесловии к сборнику Е. Хрунова, Л. Хачатурьянца «Здравствуй, Фобос!» (интересно, вспомнит ли кто-нибудь, о чем повествовали рассказы этого сборника?) писал: «Впрочем, и носители социальной идеи в бескрылой фантастике, взалхб выдаваемые иными нуль-критиками за героев светлого будущего, увешанные средневековыми реалиями вроде мечей, ножей, арбалетов и действующие во имя этого будущего на планете туземцев (как это у Стругацких в „Трудно быть богом“), любят помечтать совершенно приземленно, на-

пример, в объятиях милой туземочки Киры, как это делает некий Румата. А когда дом, где носитель светлых идей называет туземочку своей маленькой, осаждают и мелодраматическая концовка вызывает усмешку у самых нетребовательных читателей поп-фантастики, Румата, этот разведчик и носитель идей, сокрушает дикарей и аборигенов, снося им головы так, что его сотоварищи, тоже носители светлых идей, потом говорят: „видно было, где он шел“. После таких носителей света, говоря языком вполне земного фольклора, там, где они прошли, делать нечего: все мертвы».

В тенденциозном сборнике «В мире фантастики» самозванный «Совет фантастов» интересовался: «Хотелось бы услышать мнение читателей и критиков <...> о „коммунистической“ повести „Трудно быть богом“, в которой нет ни одной новой идеи, зато есть воспевание массовых убийств и кровной мести».

Хорошие времена в Арканаре. Иллюстрация Андрея Карапетяна, 1988 год

Я воздержусь от комментирования сего злобного вякания мосек из-под подворотни, но отмечу один интересный момент: здесь как само собой разумеющееся содержится утверждение, что в повести «нет ни одной новой идеи». Это утверждение констатирует тот факт, что за двадцать лет идеи вмешательства/невмешательства в ход истории, в начале 1960-х бывшие для советской фантастики оригинальными и новыми, что называется, патентной чистоты, действительно органично вошли в комплекс идей, формирующих мировоззрение современного человека. И это вызывает совершенно новый подход к прочтению повести, на чем я остановлюсь чуть позже.

В это же время немецкий продюсер и режиссер Питер Фляйшман предпринимает попытку экранизировать «Трудно быть богом». Забавно, что Алексей Герман попробовал принять в этом участие, и Фляйшман формально согласен был принять его услуги в качестве режиссера. Но Гер-

ман настаивал на том, чтобы в основу постановки был положен другой сценарий, не тот, который уже был подготовлен (кстати, без участия самих Стругацких), и сотрудничество не состоялось. Результатом стал красочный, по-западному сколоченный боевик, изрядно потерявший и философскую глубину повести, и трагичность положения Руматы...

Новую сумасшедшую гипотезу о том, что послужило причиной смерти Киры, на Стругацких чтениях во Владимире высказал Павел Поляков. Позже Сергей Переслегин озвучил ее в послесловии к «Трудно быть богом» в «Мирах братьев Стругацких». Согласно этой гипотезе, выгоднее всех было подтолкнуть Румату к уничтожению Рэбы бунтарю Арате, а потому он и пошел на это провокационное убийство с неистовством настоящего революционера. Мне кажется, эта гипотеза имеет логическую нестыковку: ведь это мы знаем, какие чувства испытывал к Кире землянин Полудня Антон, а с точки зрения Араты вряд ли благородный дон Румата мог бы так отреагировать на смерть простолоудинки. Тем не менее эта гипотеза весьма характерно демонстрирует изменение восприятия повести в наше бурное время переоценки старых ценностей.

Толчком к появлению новых произведений, использующих реалии «Трудно быть богом», стал проект Андрея Черткова «Время учеников». В самом трехтомнике «учеников» лишь один текст напрямую примыкает к повести, рассказ Елены Первушиной «Черная месса Арканара» о встрече землян с гипотетическими Странниками. К сожалению, не была опубликована повесть Ника Перумова «Суд» о рассмотрении провала Руматы в земной Комиссии по Этике. Тем не менее регулярно появляются всё новые и новые книги, так или иначе связанные с «Трудно быть богом». Иногда это откровенная попытка всё перевернуть с ног на голову, как в повести Вадима Кирпичёва «Трудно быть Рэбой». Иногда, как в романе Мэдилайн Симонс (Елены Хаецкой) «Меч и радуга», заимствование набора персонажей. Иногда — заимствование фабулы, как в повести «Меченая молнией» Натальи Гайдаки. Иногда — спор с отдельными положениями, как в романе Александра Громова «Властелин пустыни», автор которого утверждает, что в нем изображены последствия «применения гипноизлучателей для того, чтобы улучшить природу человеческую», идеи, с порога отвергнутой благородным Руматой в романе Стругацких «Трудно быть богом». Владимир Свержин вообще решил разрабатывать сериал «Институт экспериментальной истории».

И вот здесь имеет смысл вернуться к современным подходам прочтения повести Стругацких. Как-то так получилось, что многие читатели, познакомившиеся с «Трудно быть богом» только теперь и зачастую уже после того, как прочли другие книги, связанные с повестью идейно, воспринимают сюжет и смысл повести упрощенно. Набор претензий к «Трудно быть богом», почерпнутый мной из различных сетевых разговоров, широк. Стоило ли воспевать интеллигентно, гнилую и продажную прослойку общества? Почему Румата ведет

себя так неумело и неуверенно? Почему он не организовал настоящий сбор разведанных, этот никомушный резидент, совершенно не похожий на реальных мастеров? Наконец, что это вообще за рафинированный подход к проблеме «вмешиваться или не вмешиваться»? Ведь ему ясно, что вмешиваться! И еще как вмешиваться! Так, чтоб перья полетели!

В интервью 2001 года Борис Стругацкий писал: «Наш Румата задуман как фигура бесспорно трагическая. Человек, который пытается изменить естественный (то есть кровавый и грязный) ход истории и даже обладает, казалось бы, всеми возможностями сделать это (могучая сверхцивилизация стоит за его плечами), но в конечном итоге оказывается бессилен и, по сути, предает все те идеи и принципы, во имя которых жил и работал: терпимость, человеколюбие, милосердие. „Божьи мельницы мелют медленно“, и ничего нельзя сделать в истории за время одной человеческой жизни — разве что еще более увеличить количество страданий, крови и грязи. Так уж она, история людей, устроена. Не станет дерево расти быстрее, если тянуть его вверх за ветки. А если хочешь, чтобы что-нибудь хорошее случилось через сто лет, — начинай прямо сейчас».

Может быть, простота решений, предлагаемая некоторыми нынешними читателями повести, объясняется их инфантильностью, неумением представить проблему во всей полноте, неспособностью вообразить последствия этих «простых решений». Помните, как решительно ломал дрова на Саракше Максим Каммерер? И все-таки меня радуют эти разговоры. Ведь они неопровержимо свидетельствуют о том, что книга живет, что она по-прежнему актуальна!

В 1999 году режиссер Алексей Герман снова вернулся к старому замыслу снять фильм «Трудно быть богом». С согласия Бориса Стругацкого он вместе с женой Светланой Кармалитой написал новый сценарий и приступил к съемкам. Словно в укор событиям 1968 года, Герман решил делать натурные съемки в Чехии. Арканар был построен в окрестностях замка Точник. Работа над картиной продолжалась около четырнадцати лет и была завершена сыном режиссера. Ни Борис Стругацкий, ни сам Алексей Герман не дожили до этого момента.

Мягко выражаясь, эпатазирующие известия об этой работе принимались ценителями повести настороженно, если не сказать в штыки. Дело доходило до того, что добровольные помощники предлагали Борису Стругацкому свою помощь в ведении судебного разбирательства против Алексея Германа, на что мэтр со свойственной ему интеллигентностью мягко отвечал, что не представляет, какое такое надругательство над «Трудно быть богом» может совершить давний друг. Более того, он считал, что лишь Герман сможет достойно экранизировать повесть.

Многие не представляли в роли Руматы актера Леонида Ярмольника, который ассоциировался обычно с комедийными ролями. Сам Ярмольник так определял смысл фильма: это кино про то, что люди вообще не меняются — на протяжении веков. Это фильм о безысходности, о крушении иллюзий человеческих, о невозможности изменить мир даже при исключительных возможностях.

И хотя выход фильма был воспринят зрителями неоднозначно, в марте 2015 года на церемонии награждения кинопремией «Ника» картина получила семь наград.

А повесть «Трудно быть богом» продолжает переиздаваться как на русском, так и на многих других языках. ♦

Наукоградье и чат-боты

Уважаемая редакция!

Приближается День российской науки, в связи с чем я хочу искренне поздравить всех вас, мои дорогие коллеги, и пожелать вам неуклонно пополнять список своих достижений на благо Родины! Это особенно важно в нынешнее сложное время, когда враги делают всё,

чтобы подорвать научно-технический потенциал нашей страны. Честь и хвала тем, кто не сворачивает с пути побед и свершений, особенно тем, кто всех нас на эти победы и свершения вдохновляет. Визионерам, которые меняют парадигму, организаторам науки, которые прогрессивно реорганизуют всё новые и новые направления деятельности, втягивая в свою орбиту влияния всё новые и новые организации. В первую очередь тому человеку, который всё это сочетает в одном лице — Михаилу Валентиновичу Ковальчуку.

При всей своей многогранности и разносторонности Михаил Валентинович никогда не забывает о любви всей своей жизни — источниках синхротронного излучения. В частности, год с небольшим назад правительство приняло решение выделить в течение 10 лет более 140 млрд руб. для нового перспективного источника синхротронного излучения под названием СИЛА. Проект СИЛА (синхротрон-лазер) разрабатывается на базе входящего в состав Курчатовского института Института физики высоких энергий в Протвино. Говорят, по своим техническим характеристикам он будет превосходить действующие и проектируемые международные источники синхротронного излучения. И сколько бы ни шутили зубоскалы, что СИЛА есть, ума не надо, инициаторы проекта полагают, что на этой установке можно будет совершить прорыв в био- и нанотехнологиях, научном материаловедении. Здесь, у нас, в России, не так далеко от Кремля!

Вроде бы ситуация однозначно радостная, но ведь не бывает у нас так, чтобы кто-то не ставил палок в колеса благим начинаниям. Уже несколько месяцев в наукоградах Протвино и Пущино идет брожение, вызванное проектом объединения с Серпуховым («Большой Серпухов»). Организуются инициативные группы, пишутся письма, говорится, что объединение пагубно скажется на жителях и научных организациях наукоградов, что в составе Большого Серпухова они станут неинтересной для городского начальства периферией, тогда как сейчас научная составляющая гораздо более важна для местных властей. Противники проекта кричат, что референдумы проводить не стали, а общественные слушания по объединению проводили в худших традициях, заранее привезя в залы провластную массовку и не допуская туда местных жителей. Утверждается, что в планах вместо создания комфортных условий для научной интеллигенция — тупая застройка жильем привлекательных районов Пущино.

Однако есть мнение, что инициатива связана с проектом строительства синхротрона и решения на самом верху уже приняты. Если это так, то я за проект обеими руками: связанные с Ковальчуком начинания просто обречены на успех! И замечу, что, вопреки опасениям жителей об утрате статуса наукоградов, формируется, так сказать, наукоградье — большой «Наукоград Серпухов». Руководить этим проектом будет президент Международной ассоциации бокса Умар Кремлёв, который якобы имеет судимости за побои и вымогательство. Может, это выглядит и «не очень» с репутационной точки зрения, зато для дела это хорошо: нет сомнений, что такой руководитель легко сможет дать в репу всем тем, кто будет пытаться помешать воплощению в жизнь проекта СИЛА и иных важных разработок!

Но не только радостные и позитивные эмоции испытываю я накануне Дня российской науки, есть и сообщения, которые меня огорчают и расстраивают. Пишут, что студент РГТУ Александр Жданов воспользовался чат-ботом ChatGPT для написания диплома. Нейросеть сгенерировала 60 страниц диплома на тему «Анализ и совершенствование управления игровой организацией», включая введение, анализ, заключение и ссылки на используемую литературу. Господин Жданов заявил, что вместе с написанием и редактированием на работу ушло 23 часа. Защита состоялась в конце января и он получил оценку «удовлетворительно».

Вот оно, разлагающее влияние западных ценностей! Вот что происходит, когда вместо собственного россиянам культа семьи, нравственности, труда и ответственности перед страной нам тихой сапой навязывают гнилой зарубежный продукт, совсем иную систему ценностей — эгоизм, потребительство и гедонизм. Думай только о себе, пей, кури травку, предавайся разнообразным сексуальным извращениям, а дойдет дело до работы — «коси и забивай». Представьте себе, что будет, когда отравленные такой идеологией люди подрастут и чат-боты будут писать за них диссертации и планы управления компаниями? А потом такие субъекты могут проникнуть во власть, и чат-боты будут писать уже законы и указы, принимать решения о проведении специальных военных операций. Не хотел бы я дожить до такого страшного времени! И если вы, мои молодые коллеги, тоже не хотите этого — делайте всё для торжества наших традиционных ценностей в душах людей!

Ваш Иван Экономов

Между прочим, 1980 год выдался для страны неординарным — тем летом в Москве случилась Олимпиада. Меня туда мобилизовали в качестве переводчика. Мне досталось работать с фирмой «Никон», которая давала журналистам напрокат произведенные ей фотоаппараты. Брать с них деньги запрещалось, ибо в то время, согласно заветам Пьера Кубертена, олимпиады считались мероприятием некоммерческим.

Но переводческих услуг я оказать не успел: на второй день работы отправился «Фантой» из автомата, установленного в пресс-центре на Зубовской площади. Конечно, «Фанта» — не самый полезный для здоровья напиток, но этот оказался вдвойне чудовищем, ибо местные умельцы по своему обыкновению разбавили его какой-то самопальной гадостью. Ночью мне сделалось нехорошо, но я переселил себя и явился на работу. Оттуда вместе с фирмачами мы отправились на торжественный прием в ресторан «Арбат» на Калининском проспекте. Там мне сделалось совсем худо, но я все-таки выпил для дезинфекции организма рюмку водки. Едва добравшись до выхода, я встал, пошатываясь, на гранитных ступенях. Мне бы присесть на них, но только одна мысль стучала в отравленном советской властью мозгу: если сяду, меня сочтут пьяным и «заметут» — город был напичкан милицией, которая привычно воспринималась не как защитница от преступников, а как личная угроза. В душе я считал себя более-менее независимым от Совдепии человеком, но это оказалось не так. Словом, вместо того, чтобы потихоньку прийти в себя на ступенечках, в положении «стоя» я потерял сознание и грохнулся на них. Я мог бы сильно изуродовать себе лицо, но спортивная привычка группироваться при падении спасла меня и на этот раз — найдя уже в обмороке, я упал все-таки на руки, голова не пострадала, но пальцы и кисти до сих пор, бывает, поноют.

Поскольку в отместку за вторжение в Афганистан западные атлеты Москвой побрезговали, та Олимпиада стала триумфом советских спортсменов. Но это не доставило мне радости.

После обморока голова подкруживалась, я ходил по стеночке, от общей поврежденности организма даже вздумал сбрить усы. Лишнее растительное, лицо изменилось настолько, что знакомые перестали меня узнавать. Поэтому я звонил им по телефону и просил не удивляться при встрече. Но и без усов голова продолжала кружиться. И тогда я наплевал на голову и улетел в Анапу по зову добрых друзей, которые отдыхали там уже не первый год.

Я поселился на улице Гоголя в доме у Тани Ольшанской — учительницы словесности, которой было не с кем поговорить зимой о литературе в этом сонном городке с летним видом на синее море, попидавшим и скифов, и греков. Поэтому Таня привечала озябших североширотных художников, актеров и писателей, беззащитенно пользовавшихся ее гостеприимством. Она их поила-кормила, а денег обычно не брала — несмотря на свой скромнейший учительский достаток. Трудно брать деньги с людей, с которыми ты разговариваешь на судьбоносные темы днями-ночами напролет. Впрочем, назвать этих постояльцев бо-

Александр Мещеряков

что сильно примиряло с жизнью, которой не предъявляли материальных претензий. Гости расплачивались яркими летними картинками, стихами и длинными зимними засуробными письмами.

Таня знала толк в поэзии, имя Ксении Некрасовой я узнал от нее. Видя, как мне понравилось стихотворение, где было сказано, как мы, интеллигенты, любим понежиться в постели, а потому «великолепие зорь достается рабочим», Таня подарила мне ее сборник, что было по тем дефицитным временам большой щедростью. Стихотворение заставило меня задуматься о своем образе жизни и переменить его, а Таня подарила мне книжку с удовольствием — с таким же наслаждением она метала на стол свои чудные вареники с вишней и обжигавший борщ. Вообще-то стояла несусветная жара, мозги плавилась, хотелось чего-то свежемороженого, но Танин борщ не знал температурных ограничений. Он лился в глотку, как лется раскаленный металл в покорную изложницу.

Танин двор жил напряженной жизнью. Имя улицы Гоголя делало его обитателей похожими на литературных персонажей. Мать взрослых детей, объемная продавщица Света, потеряв такого же объемного мужа, стала ждать другого и сделала себе операцию по возвращению девственности. Вечером, когда жильцы возвращались домой, устраивался обмен полезными продуктами, притиранными с работы: кто-то приносил хлеб, кто-то молочный продукт, а Ира с завода безалкогольных напитков тащила спирт в фирменных бутылках из-под лимонада «Буратино» — рецептура этой гадости требовала pipetочных вливаний истинно мужской жидкости. Вот и меняли — спирт на молоко, молоко — на хлеб. И только Таня не могла предложить ничего толкового. В ее школе украсть было нечего, кроме спряженных глагола и порядковых числительных, которые были никому не нужны.

Утомленные солнцем и растекшиеся по гальке Анапского пляжа тела напоминали парад уродов. Зато с Высокого берега было видно, как дельфины прошивают морщинистое море мощными стежками; на берегу бухточки, куда волна нагромодила бурые водоросли, пахло забродившим йодом, который прочищал легкие от московских печалей. Желудок приветственно урчал фруктам и ягодам, на сковороде угодливо шипела огромная камбала. Когда ночью я отправлялся купаться, по пути к подлунной воде из-под каждого вишневого или абрикосового дерева раздавались сладострастные оханья курортниц, охота на которых считалась среди местной молодежи главным летним видом

Про Анапу

Александр Мещеряков

спорта. Особенно ценились победы, в результате которых главное действие случалось на кладбище, расположенном возле самого обрыва в море. Ветренными промозглыми зимами обессилевшие молодые люди отпаивали себя горячительными напитками. Так они нагуливали сперму для будущих свершений. Годом к сорока они превращались в развалин, которым нечего вспомнить. В их послужном списке отсутствовали имена — унесенные ветром, смытые волной, растворенные кислым местным винцом. Лишенные памяти, они умирали рано. Я же после купания садился за Танин стол вечерять, и из моих плавок, бывало, со стуком вываливался на пол мокрый морской камушек.

В общем, отдохнул я на славу, голова кружиться перестала. Пора и возвращаться. Я встал в авиакасса за билетом. Ко мне подошел огромный человек с чуть раскосыми скулами и малолетним сыном, стал виниться: «Отдыхал тут на все сто, да только теперь на билет не хватает». По его мужественному лицу было видно, что деньги ему нужны и вправду на билет, а не на пропой. В общем, я ему добавил.

Мы летели на соседних креслах. Володя оказался бывшим военным летчиком. За мою щедрость он рассказал, как он возил главкома Уральского военного округа на XXV съезд КПСС в 1976 году. «Приземлились уже в Москве, а он мне: „Гражданский костюм в Свердловске забыл. Мотай обратно“. Я ему: „Можно хоть часок передохнуть?“ — „Нет, мотай“. Одно хорошо — воздушный коридор открыли, дуй себе на все сто. Яйца, конечно, к горлу подступали. Но обернулся быстро».

Многозначительно помолчал и сообщил второй по важности факт своей биографии: «А пиво я только из горлышка пью».

Что там за решения на этом самом съезде принимались — ни сном, ни духом не ведал. Как и все мы, впрочем.

Несколько лет назад я побывал в Анапе. Тогда, в 1980 году, она была пыльным и захолустным городком. Тем мне и понравилась. Денег для жизни требовалось немного — на улицах росли вишни, абрикосы и шелковицы, которые задаром тянули к тебе свои добрые ветви. Сейчас Анапа отстроилась — отели, рестораны, аттракционы, пыль покрылась тротуарной плиткой. Но у подножья высоток еще можно обнаружить покосившиеся домишки, в которых доживают свой век старики и старухи. Они живут в тени новостроек, из-за них им не видно моря, на которое они привыкли смотреть своими выцветшими от солнца глазами. Кладбище срыли, а на его месте какой-то бандит построил себе дворец. Самого бандита я не видел, видел лишь его челядь — плотные люди в камуфляже с пустыми глазами убийц. Они сидели в саду и лузгали семечки. Подхваченная ветерком, лузга волочилась по тем местам, которые были защищены от трупов и любовных оханый. ♦

«Окончательное решение»

Международный день памяти жертв Холокоста отмечается 27 января. Он установлен Генеральной Ассамблеей ООН по представлению ряда пострадавших стран, в том числе России. Дата выбрана в связи с тем, что именно в этот день советские войска в 1945 году вошли на территорию немецкого лагеря смерти Аушвиц-Биркенау, организованного рядом с древним польским городом Освенцим, и увидели ужасную картину того, до чего способны дойти люди в своей ненависти к себе подобным. Впрочем, процесс расчеловечивания части населения Германской империи протекал весьма неторопливо. 90 лет назад, 28 февраля 1933 года, вышел указ рейхспрезидента Германии Пауля фон Гинденбурга «о защите народа и государства», отменяющий гражданские права, данные некогда Веймарской конституцией, — *Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat*). В краткосрочной перспективе указ приобрел важнейшее значение для «правового» прихода к власти национал-социалистов и основанию Третьего рейха. Всё последующее десятилетие нацисты посвящали решению «еврейского вопроса» теми или иными средствами, но самые ужасные изменения произошли после начала войны с СССР и занятия территорий, населенных большим количеством еврейского населения¹. И именно советские военнопленные стали первыми, на ком испытывали действие газовых камер. Впрочем, и с начала войны рассматривались еще самые разные «варианты». И лишь 81 год назад, 20 января 1942 года, на «конференции», проходившей в берлинском пригороде Ванзее², было принято самое ужасающее «окончательное решение», приговорившее целый народ. Формально в совещании, решавшем судьбу миллионов евреев, участвовали даже не самые высшие руководители, чиновники более низкого ранга. Но в результате этой встречи возникла отлаженная государственная система убийства людей в промышленных масштабах, легшая в основу тотального геноцида еврейского населения, — то, что позже назовут Холокостом.

На секретной Ванзейской конференции присутствовал относительно небольшой круг лиц (всего 15 человек), и продолжалась она лишь полтора-два часа. Озвученные на ней решения носили скорее технический характер, поскольку принципиально всё уже было определено заранее, это было лишь собрание исполнителей, распределявших круг обязанностей по своим ведомствам. Протокол, содержащий 15 страниц, к 1945 году постарались уничтожить почти все участники — остался лишь один экземпляр, который его владелец не смог сжечь потому, что сам попал в концлагерь.

Формально за организацию «конференции» отвечал начальник Главного управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих — именно он был назначен 31 июля 1941 года Германом Герингом ответственным за «окончательное решение еврейского вопроса». От Гейдриха требовалось составить «общий проект» по организации и реализации этого начинания с оценкой соответствующих затрат. И 29 ноября 1941 года Гейдрих разослал «коллегам» персональные приглашения, избрав местом встречи уютный особняк в живописном пригороде Берлина, построенный эксцентричным предпринимателем Эрнстом Марлье, сбежавшим в Швейцарию. (Марлье выпускал и рекламировал псевдодокторские гомеопатические снадобья, но разорился и в 1921 году был вынужден продать свою виллу промышленнику Фридриху Мину, а тот в свою очередь, попав в тюрьму, по настоятельной «просьбе» уступил ее в 1940 году нацистскому фонду Nordhav, который контролировался СС и лично Гейдрихом.

Сначала конференцию назначили на 9 декабря 1941 года, затем несколько раз откладывали — то в связи с контрнаступлением Красной армии под Москвой, то из-за нападения Японии на Пёрл-Харбор и вступления в войну США.

Однако 20 января 1942 года Ванзейская конференция всё же состоялась, и на ней присутствовали представители важнейших министерств нацистской Германии — министерства юстиции, иностранных дел, агентства национальности и переселений, а также учреждений, ответственных за распределение еврейской собственности, и руководство государственных учреждений, непосредственным образом вовлеченных в «решение еврейского вопроса», — гестапо и службы безопасности СС.

Две трети времени, отведенного на «конференцию», заняло выступление самого Гейдриха. Дискуссия была непродолжительной, и в это время присутствовавшие предпочли говорить обиняками, не называя вещи своими именами. Однако после официальной части, в более приватной обстановке, они обменивались мнениями уже никого не стесняясь, без эвфемизмов и иносказаний — об убийствах, ликвидации и уничтожении евреев. Об этом в 1961 году рассказывал Адольф Эйхман, когда его судили в Иерусалиме³.

Адольф Эйхман, глава «еврейского» отдела гестапо и оберштурмбанфюрер СС, играл вторую по значимости роль в подготовке и проведении этой конференции. Вместе с секретарем он вел протокол заседания и по его итогам 31 января 1942 года рассылал приказы командному составу полиции, секретным службам и руководителям СД. В них содержались подробные инструкции по подготовке депортации евреев Германии, Австрии, Чехии и др. Именно с этого момента начался систематический и тщательно спланированный геноцид, хотя массовые убийства евреев известны еще со второй половины 1941 года. Среди участников «конференции» был и гестаповец Генрих Мюллер, и ряд чиновников, которых позже международные суды признали «незначительно виновными» — они были отпущены, отсидев небольшие сроки, и умерли уже в 1980-х на пенсии. Однако главные организаторы Ванзейской конференции — Гейдрих и Эйхман — всё же не ушли от возмездия. Про Эйхмана уже было сказано выше, а Гейдрих поплатился много раньше — его ликвидация состоялась 27 мая 1942 года в результате диверсионной операции «Антропоид», проведенной совместной британской спецслужбой и Национальным комитетом освобождения Чехословакии (к сожалению, позже участники этой операции, а также помогавшие им участники Сопrotивления погибли, а для чешского населения казнь этого палача обернулась жестокими репрессиями)⁴. Герман Геринг покончил с собой в тюремной камере в ожидании казни 15 октября 1946 года⁵.

В протоколе Ванзейской конференции не содержится упоминаний о физическом уничтожении всех евреев, о газовых камерах и крематориях, там говорится лишь о «каторжных работах, на которых, надо надеяться, большинство умрет». Остальные же

евреи при этом должны будут подвергаться «соответствующей обработке». Газовые камеры на этом специфическом языке именовались «особым обращением». Нацисты стремились не афишировать саму «конференцию» и свои методы, население Германии вообще не информировалось, что евреев уничтожают физически, — считалось, что «эвакуированные» трудятся на благо страны, покупают «вину» своего народа (но догадаться о том, что происходит на самом деле, для граждан не составляло большого труда).

В приложенной справке приведен «фронт работ» — общее число евреев в Европе (больше всего в Украине — 3 миллиона, меньше всего в Албании — 200 человек, но и те не были забыты скрупулезными чиновниками). Согласно самым авторитетным оценкам, в результате реализации всех этих планов в Европе погибло до половины всех евреев, причем половина уже из этих погибших приходится на СССР.

Собравшиеся охотно шутили и не испытывали видимых угрызений совести. Особо отмечается, что участники встречи — высокообразованные и хорошо информированные люди, прекрасно знакомые с обсуждаемой «проблемой», причем более половины из присутствовавших на встрече обладали докторскими степенями, присужденными им немецкими университетами. Они не могли не понимать, что «эвакуация на восток» — это эвфемизм для депортации в концлагеря, а «окончательное решение» означало именно что физическое уничтожение всех евреев. Им необходимо было лишь выбрать для этого самые быстрые и «экономически оправданные» методы.

По мнению многих исследователей, которое согласуется, в частности, с показаниями высокопоставленного деятеля СС Дитера Вислицины, подход к решению «еврейской проблемы» в Третьем рейхе пережил несколько этапов.

Первоначально — до 1940 года — ее пытались «решить» с помощью переселений и изгнания евреев за пределы Германской империи. Затем настал черед гетто, организуемых преимущественно в восточноевропейских регионах, в частности, в Польше. В Варшаве 16 октября 1940 года генерал-губернатор Ганс Франк принял решение об организации крупнейшего гетто — как по площади, так и по количеству обитателей. Там содержалось более трети миллиона евреев, или примерно треть всего городского населения (на клочке земли, составлявшем всего 2–4% площади города). Выход из гетто без разрешения первоначально наказывался «всего лишь» тюрьмой, затем это уже грозило смертью, а с 16 ноября 1941 года гетто было отгорожено от прочего города стеной. Таким образом, проводилась сегрегация еврейского населения, которое при этом сразу разорялось, лишалось имущества и включалось из всех сфер общественной и экономической жизни — доводилось до состояния, когда выживание мог обеспечить лишь тяжелый физический (откровенно рабский) труд.

В третий период — при так называемом окончательном решении еврейского вопроса — как раз и было принято решение о планомерном, пусть и не афишируемом уничтожении всего еврейского народа, к которому гитлеровцев в немалой степени подтолкнуло начало войны с СССР. На стремительно оккупированных территориях Белоруссии и Украины они столкнулись с большим количеством еврейского населения, которое трудно было «содержать», и его сразу же начали истреблять.

23 октября 1941 года была полностью запрещена еврейская эмиграция с оккупированных территорий, с декабря начали действовать первые лагеря уничтожения, были проведены опыты по массовому отравлению газом «Циклон Б», он испытывался прежде всего на советских военнопленных.

Исследователи Холокоста спорят о том, была ли идея о необходимости уничтожения всех евреев присуща нацизму с самого начала. Так или иначе, Гитлер не скрывал своих намерений еще тогда, когда лишь шел к власти, — всё это присутствует в его книге «Mein Kampf». Просто то, что поначалу казалось полемическим преувеличением, шутовством и стремлением быстро завоевать популярность среди невзыскательной публики, во время войны смогло приобрести реальные и поистине чудовищные формы.

К концу войны, когда грядущее поражение Германии было уже не за горами, у части нацистского руководства рождались мысли об использовании оставшихся евреев для торга в ходе переговоров о мире и о необходимости скрыть истинные масштабы их истребления. Однако наиболее одиозная часть верхушки во главе с Гитлером маниакально продолжала требовать тотального истребления всех, кто еще оставался в живых. Но при этом при отступлениях нацисты всё же всегда стремились уничтожать доказательства существования лагерей смерти, занимались вывозом захороненных останков казненных. А после войны часто отрицали свое личное участие в истреблении безоружных людей и всячески преуменьшали размах этого явления.

Максим Борисов

Экономика расставания

Александр Марков, профессор РГГУ

Александр Марков

Подзаголовок книги может обмануть — как будто в ней речь идет о мучительных разлуках. На самом деле автор не рассказывает о горести прощаний, эмоциональных взрывах при расхождении жизненных путей. Расставание — просто другое имя для приобретения характера в свободной любви. Книга говорит о разных формах эмансипации женщин, завершавшейся в каждом случае новым пониманием истоков страсти. Не в том смысле, видят ли в страсти божественное или дьявольское или нейтральное начало: это про ее природу, а не про истоки.

Страсть проступает и в переписке, и в регулярном пребывании наедине с собой, и в готовности перевернуть всё вверх дном в стране и бросить вызов всему высшему свету. Иначе говоря, исток страсти — это условие, благодаря которому женщина, несмотря на всё противодействие века, не лишится свободы мысли и поступков, сохранив страсть так, как сохраняют разум.

Книга дополняет и труды Мишеля Фуко, и эссе Паскаля Киньяра. Эти авторы-мужчины показывали, как страсть удерживалась в рамках благодаря политическим формам действия, тогда как в книге Сабин Мельхиор-Бонне женскую страсть длит только особая экономика, система инвестиций и гарантий. Даже если большинство героинь книги влияло на политику, это лишь дополнительные, но не основное условие страсти.

Это очень французская, даже парижская книга. Парижские профессора часто пишут с любовью о своих предшественниках многовековой давности, например о Жане Буридане и слухах вокруг него: средневековый профессор понятнее коллег недавнего прошлого. Так и Сабин Мельхиор-Бонне, преподаватель Коллеж де Франс, с любовью рассказывает о могиле Абельяра и Элоизы на кладбище Пер-Лашез. Эти средневековые любовники для нее — изобретатели французского канона любви, требующего отказа от телесных привычек ради чувств.

Ты можешь быть меланхоликом, тебя может охватывать тревога, ты можешь привыкнуть к удобству или физическим трудам, но эти телесные привычки на время любовных занятий следует оставить за дверью — иначе пропадет интеллектуальное содержание опыта. Мельхиор-Бонне пишет большую апологию французской любви, которая иначе окажется предметом насмешек. Любви в других странах уделено меньше внимания; русская любовь, любовь Екатерины II к Григорию Потёмкину, объясняется страхом переворота — русская культура зависла для исследовательницы над бездной задолго до Достоевского.

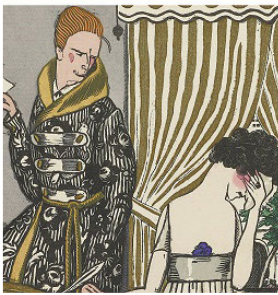
Французским титанам любви исследовательница противопоставляет английских фантазеров: Генриха VIII, принципиального в беспринципности; Джеймса Босуэлла, расчетливо игравшего в легкомыслие; Горацио Уолпола, коллекционера комфортных слов и дел. Англичане в ее изложении выглядят, если употребить образы из русской литературы, чичиковыми, а не онегинными. Они основательны, но только в поддержании своего фальшивого образа надежного человека; они умны, но тратят весь свой ум на учтивость, не заботясь о себе, не давая отчета себе до конца в своих поступках, и потому делают женщин несчастными как раз тогда, когда пытаются дать волю своему сердцу. Однако французский галантный век, французская наполеоновская эпоха или даже времена Симоны де Бовуар — совсем другое дело.

Французские героини книги изобретают неписанные кодексы. Так, в эпоху регентства кардинала Мазарини дамы стали ставить себя выше закона — пока мужчины тратят себя на страсти и амбиции, дамы могут томно соблазнять, учреждая всё новые предлоги для личной свободы. Законом частной и публичной жизни для обоих полов прежде был договор мужчин. Но герцогиня де Лонгвиль, покровительница всей фронды и возлюбленная философа Ларошфуко, издает манифесты, организует восстания, руководит боевыми и дипломатическими действиями — нарушает закон всеми возможными способами. Такое постоянное пересечение границ позволяет и следующим поколениям, например героям романа Шодерло де Лакло, расставаться без сожалений — всё равно стратегия и тактика нарушения границ важнее любых телесных эмоций.

Узел проблем, обсуждаемых в книге, мы видим в том, что фронда выступала против духа предпринимательства, принесенного Мазарини, против новых людей во власти, против открытости сословий и финансов. Соответственно, дамы — ангелы фронды, прециозницы, как Мадлен де Сюдери, в противовес деловой открытости создают канон романа с ключом, романа придворных намеков на конкретных лиц, который противостоит либерализму с его свободной вербовкой новых людей, когда всех и не упоминишь. Ведь либерал-вольнодумец играет чувствами других, давая волю мыслям, дает волю чувствам; тогда как роман с ключом отводит всем мужчинам и женщинам свою роль в сюжетах, свою роль гениев места. Одержимость образом возлюбленного никуда не исчезает, но он превращается в демона, статую, духа внутри романного целого, так что женская страсть может длиться и разумно расходовать, пока пишется роман.

Так создается новая экономика, противопоставляющая избытку накопления при заполнившем казну до краев Мазарини размеренность трат. Здесь героинями Мельхиор-Бонне становятся деятельницы такой экономики сдержанности — например, любовница Людовика XIV Луиза де Лавальер, которая стремилась к эмоциональному равновесию, «любить и быть любимой», или Сидония де Курсель, чей либертинаж состоял в том, чтобы заботиться не о репутации, раз всё равно ни у кого ее уже нет, а о правильных инвестициях в месть и интригу.

Во многом это и есть цель автора — показать французских женщин, в отличие от английских, не жертвами обстоятельств, но создательницами совершенно новых типов сделок и регламентов деловой этики. Эта женская новация бросает свет на всё последующее содержание книги. Любовные истории XIX и XX века, рассмотренные Мельхиор-Бонне, ничем бы не отличались от лонгридов глянцевого журналов, если бы туда не были добавлены две параллельные экономики — экономика времени и экономика тела, которые, несмотря на все амбиции мужчин, оставались под полным контролем женщин. ♦

Мельхиор-Бонне С. Оборотная сторона любви. История расставаний / пер с. фр. О. Панайотти. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 440 с. (Серия «Культура повседневности»)

¹ gazeta.ru/science/2021/09/28_a_14030995.shtml

² gazeta.ru/science/2022/01/20/14437567.shtml

³ gazeta.ru/science/2021/12/15_a_14317237.shtml

⁴ gazeta.ru/science/2021/12/28/14364379.shtml

⁵ gazeta.ru/science/2021/10/14_a_14094247.shtml

Ответы на вопросы трудящихся

Борис Штерн

Ставят мне вопросы острые, жгучие...

Юлий Ким

Мы с Алексеем Кудря затеяли серию видеороликов с моими ответами на вопросы по астрофизике, собранные в соцсетях и на YouTube. Идея принадлежит Алексею — он известный астроном-любитель, а теперь и член команды ТрВ-Наука. Я вначале отнесся к идее прохладно, но постепенно втянулся, и когда прозвучало предложение сделать из этого книгу, отнесся к нему почти всерьез: чем черт не шутит?

Что именно мы делаем? Алексей объявляет во всяких «прикормленных» местах, посещаемых любителями астрофизики и даже профессионалами: «Задавайте вопросы Штерну! Он ответит на всё!» — не конкретизируя тему и не накладывая ограничения на форму вопроса. А я, соответственно, отдуваюсь, предварительно посмотрев вопросы и прикинув ответы, если надо, пошарив по Интернету. Рискованная затея, но всё равно она оказалась приятной и полезной: в результате я сам учусь и горжусь тем, что еще способен на это в своем почтенном возрасте. И не столь уж часто наступают минуты позора, хотя бывает, что и ляпнешь...

Вопросы, как камни с неба, беспорядочно покрывают огромную площадь, падая далеко за пределами моей профессиональной компетенции. Собственно, эта самая компетенция у меня ограничивается астрофизикой высоких энергий (и частично космологией, благодаря написанной книге), а тут спрашивают про направление течения времени и про его происхождение, про межзвездную среду и несуществующую антигравитацию, про Вселенную-симуляцию, про управляемое охлаждение Земли. Любят спрашивать про темную материю — ее распределение в галактиках и пространстве, ее поглощение черными дырами. Ну и про всякие парадоксы, связанные с последними. Даже про климат. На самом деле это вовсе не страшно: важен не объем готовых знаний в голове, а умение быстро разбираться и делать прикидочные оценки. А это дело наживное.

Некоторые вопросы заставляют крепко задуматься. Например: «Есть ли корреляция между направлением движения галактики и тем, в какую сторону закручены ее рукава?» А откуда я знаю? Но ведь это пространственно-нечетная корреляция! Это же ужас — с какой стати во Вселенной должно быть макроскопическое нарушение симметрии между правым и левым? Дело в том, что само по себе направление закручивания рукавов не определено — оно зависит от того, с какой стороны поглядеть на галактику. Но если добавить направление движения или направление взгляда, то появляется определенность, появляется спиральность: галактика может быть лево- или правозакрученной. И преобладание тех или иных будет означать глобальное нарушение пространственной четности на макро-, точнее, на мегамасштабах. Откуда?

В комментариях мне подсказали, что эффекты нарушения четности во Вселенной действи-

«А если Большого взрыва не было?» (в эфире Алексей Кудря и Борис Штерн)

тельно ищут. Что касается корреляции между закрученностью и движением, тут надо уточнить, относительно какой системы надо отслеживать движение. Казалось бы, относительно системы, в которой реликтовое излучение изотропно — мы сами движемся относительно нее со скоростью ~600 км/с. Но это непросто. Но народ не сдаётся: просто подсчитывает число право- и левозакрученных, глядя в разных направлениях, надеясь найти где-то статистически значимый избыток. Это уже ужас-ужас: тут предполагается не только нарушение пространственной четности, но и изотропии Вселенной.

Наконец, я наткнулся на популярный проект — пока теоретический: искать нарушение четности в четырехточечной корреляции галактик. Разобьем пространственное распределение галактик на тетраэдры — существует триангуляция Делоне, предписывающая, как это сделать однозначным образом. Оказывается, что при этом тетраэдры имеют определенную пространственную четность — правые и левые. Если он правильный, то пространственно-четный. Но если все стороны разные, то берем самое длинное ребро, выбираем ту из вершин, где длиннее второе по длине ребро, и вращаем тетраэдр вокруг самого длинного ребра от второго к третьему по длине. Звучит неуклюже, но рецепт дает однозначную спиральность. Наверняка есть более изящная формулировка на языке векторной алгебры.

Народ собирается подсчитывать число правых и левых тетраэдров, что, по-моему, безнадёжно, поскольку направление на галактику определяется хорошо, красное смещение плохо, но точный перевод красного смещения в расстояние проблематичен из-за разброса скоростей галактик. Мне кажется, что для решения этой задачи попросту не хватит точности определения расстояний по лучу зрения — это даст слишком большой шум, в котором потонет гипотетический эффект.

Просматривая литературу по поводу нарушения пространственной четности в астрофизике, я наткнулся на еще одну забавную идею: нейтронные звезды должны нарушать пространственную четность из-за преимущественной спиральности, в данном случае — корреляции между направлениями вращения и движения относительно родительской галактики. Это следствие хорошо известного нарушения пространственной четности в микромире, в слабых

взаимодействиях. При взрыве сверхновой излучается огромное количество нейтрино — это основной механизм сброса тепловой энергии. А нейтрино обладают определенной спиральностью. При этом взрыв несимметричен, и образующаяся нейтронная звезда получает приличный импульс отдачи — скорость порядка тысячи километров в секунду. И при том же она получает заметный момент вращения за счет левоспиральных нейтрино, вылетевших преимущественно в одном направлении. Красиво же!

Так простой вопрос неумолимо заставляет расширять собственную картину мира, чтобы дать достаточно глубокий ответ.

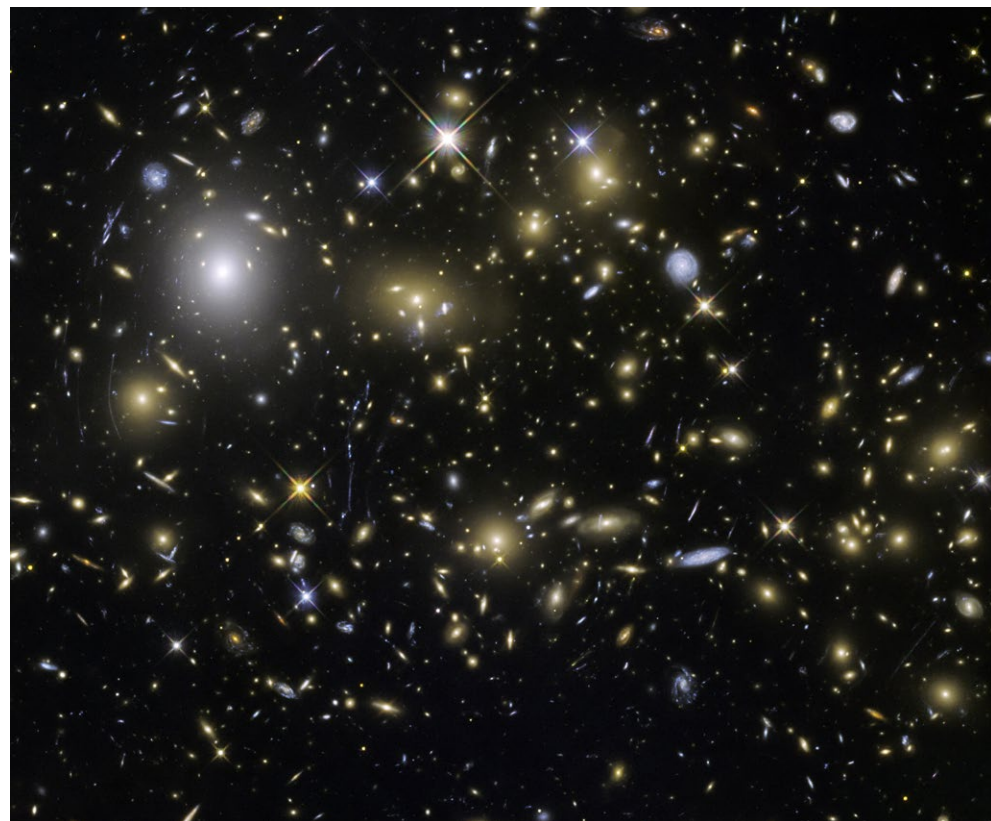
Вообще, мои любимые вопросы связаны со всяческими ниспровержениями устоявшегося и открытиями нового в физике. Эти ниспровержения и открытия всё время маячат на горизонте на уровне значимости три или даже четыре сигма (уровень достоверности 0,997 и 0,9999 соответственно). Они так и будут маячить, поскольку направлений поисков много, методик еще больше, а о всяких вспомогательных параметрах в этих методиках и говорить не приходится. Поэтому люди ищут и находят маловероятные статистические отклонения, про-

цеживая разнообразными данными широким бреднем. Так возникают и потом рассасываются сенсации. Распад темной материи, анизотропия Вселенной, нарушение лоренц-инвариантности и многое другое. Это очень увлекательное занятие — искать ниспровержения мейнстримных теорий и свидетельства Новой Физики. А я, нао-

вание, приписываемое Эйнштейну: «Если вы что-то не можете объяснить шестилетнему ребенку, вы сами этого не понимаете» — просто красивое изречение, и не более того. Конечно, от шестилетнего ребенка можно отделаться какой-нибудь метафорой, но это не будет объяснением. Кстати, я далеко не шестилетний ребенок, но мне до сих пор никто не смог объяснить, как возникает спектр масс в теории струн. Не потому, что они сами не понимают, а потому, что там замешана довольно сложная математика, в которую нет времени и сил врубаться. Если бы мне попался подобный вопрос, я бы ответил честно: не знаю, давайте как-нибудь спросим у имьрека, он это хорошо понимает. Собственно, я уже отвечал подобным образом на некоторые вопросы, но это скорее исключение. На большинство вопросов по астрофизике и космологии ответить можно, иногда пошарив по Интернету для уточнения деталей.

Итак, кому отвечать? На этот вопрос каждый, занимающийся просветительством, отвечает по-своему. Я ориентируюсь на тех, кто способен воспринять дух науки, а не просто запомнить интересные факты. Таких меньшинство, но это очень ценное меньшинство — это маленькая аудитория, но от нее волны расходятся дальше. Кстати, реакция типа «ничего не понятно, но очень интересно!» мне вполне по душе. Она означает, что человек пусть и не разобрался в картине, но осознал, что она существует — большая, красивая и глубокая картина мира, высветленная наукой.

Обратная связь через комментарии и сообщения есть, и она в основном положительная. Люди задают новые вопросы вслед, уточняющие вопросы, иногда даже подсказывают нечто полезное. Комментаторы спорят между собой, иногда отвечая вместо меня и вполне адекватно. В общем, жизнь идет. Попадаются и воинствующие невежды и фрики со своими теориями мироздания — а как же без них? Здесь главное не

Скопление галактик. По ссылке [1] можно посмотреть увеличенное изображение и самостоятельно посчитать число право- и левозакрученных галактик

борот, люблю опровергать эти ниспровержения и свидетельства, вылавливая статистические натяжки. Каждому свое.

Конечно, когда-нибудь люди натолкнутся на Новую Физiku: прогресс в методах движения медленнее, но не преклонно. Кстати, бозон Хиггса в ЦЕРНе открывали как бы дважды — сначала с маргинальной значимостью (с неправильной массой — то был именно статистический выброс) на старой машине, затем — по-настоящему — на новой.

Вернемся к вопросам и ответам. Мы никак не ограничиваем уровень сложности и адекватности задаваемых вопросов, поскольку на самый глупый вопрос можно найти интересный и достаточно глубокий ответ. Другое дело — как отвечать и на кого ориентироваться. Высказыва-

втягиваться в вязкие липкие препирательства.

Итак, сериал продолжается. Мы пока не знаем, что получится в результате, получится ли книга. Главное — двигаться дальше. Это происходит на моем канале, весьма скромном по аудитории: youtube.com/channel/UCXhOt_b7AtvmaLcrhfUZW

Последняя запись ответов на вопросы здесь: youtube.com/watch?v=P9M4rjCYbXy

Вопросы можно задавать в комментариях к видео, в комментариях под этой колонкой и в соцсетях под соответствующими объявлениями Алексея Кудря.

И еще мы намерены провести конкурс на лучший вопрос методом народного голосования.

1. upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/d6/Galaxy_Cluster_MACS_J0717.5%2B3745.jpg

«Троицкий вариант»

Учредитель — ООО «Тривант»

Главный редактор — Б. Е. Штерн

Зам. главного редактора — Илья Мирмов, Михаил Гельфанд

Выпускающие редакторы — Алексей Огнёв, Максим Борисов

Редактор: Юрий Баевский, Максим Борисов, Алексей Иванов,

Андрей Калинин, Алексей Огнёв, Андрей Цатурия

Верстка — Глеб Позднев, Максим Борисов. Корректур — Максим Борисов

Адрес редакции и издательства: 142191, г. Москва, г. Троицк., м-н «В», д. 52;

телефон: +7 910 432 3200 (с 10 до 18), e-mail: info@trv-science.ru, интернет-сайт: trv-science.ru.

Использование материалов газеты «Троицкий вариант» возможно только при указании ссылки на источник публикации.

Газета зарегистрирована 19.09.2008 в Московском территориальном управлении Министерства РФ по делам

печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № ФС77-33719.

© «Троицкий вариант»